

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

6+

6/2018

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Андрей Гостев. Лето в мае, или Белорусский тандем-тур	1
	Анна Демидова. Зелёная сказка Абхазии	12
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ Анатолий Майданов. Союз ума и добрых глаз	19
	Валерьян Дорняк. Лягушка из сказки	24
	Владимир Подаруев. Золотой ручей	29
Редакционная коллегия:	ПРОБА ПЕРА	
	Надежда Потанина. Стихи	36
	Дарья Потанина. Золотая пора детства	37
С.В. Винокурова	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
В.И. Горбатов	Виктор Кривенко. Стихи	40
В.З. Денискина	Мирра Лохвицкая. Стихи	42
И.Н. Зарубина	АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
О.В. Клековкина	Елена Анохина. Стихи	57
Ю.И. Котов	Сергей Георгиев. Третьеклассник Вася Захарычев	60
В.В. Кулешов		
Т.М. Морева	Ирина Краева. Колямба, внук Одежды Петровны, и вся весёлая компания	74
И.И. Семёнова		
А.П. Торопцев		
З.А. Шишкова		

ЛЕТО В МАЕ, ИЛИ БЕЛОРУССКИЙ ТАНДЕМ-ТУР

После прошлогоднего весеннего путешествия на тандемах по Калининградской области нас не оставляла мысль поискать какой-нибудь интересный и тёплый регион для первого велопохода. Тем более что предыдущий летний сезон в Санкт-Петербурге был очень прохладным и дождливым, можно сказать, что лета и вовсе не было. На практике тандемщики клуба «Масштаб плюс» убедились в том, что качество тандем-путешествия напрямую зависит от качества дорожного покрытия. На хорошей дороге и тандемом управлять легче, и колёса под велорюкзак не сильно страдают. И вот наши взгляды устремились в географический центр Европы, а он, как выяснилось, по мнению некоторых учёных, находится в Белоруссии. Вот все карты и сошлись! А главное, как нам рассказывали многие путешественники, в Белоруссии дороги очень хорошие.

Это путешествие мы начали планировать ещё в конце прошлого года. В тандемном деле одного желания прокатиться мало, главное — это пилоты, иначе тандем попросту никуда не поедет. Именно поэтому необходимо найти надёжных и опытных пилотов-профессионалов, знакомых со специфическими потребностями незрячих велосипедистов. По счастливой случайности в этом году нам помог лидер клуба «Самокат» Сергей Смирнов. Он уже много лет поддерживает петербургское тандем-движение и даже поднимался с нами в качестве волонтера-фотографа на Эльбрус.

С помощью информационного ресурса «Клуба путешествий» (<https://www.vpoxod.ru/route/belorussiya>) был намечен интересный маршрут. Но реальность внесла свои коррективы. На момент, когда вопрос с укомплектованностью команды был решён, железнодорожных билетов в кассе не было — закончились. Что делать? В срочном порядке разрабатывается маршрут альтернативного велопохода по Псковской области. Но там и дороги не очень хорошие, и прогноз погоды не внушает оптимизма. И тут случилось невероятное: к одному из поездов прицепляют дополнительный вагон и интернет-мониторинг позволяет нам отреагировать молниеносно и приобрести железнодорожные билеты.

Важно отметить, что в России при транспортировке тандемов необходимо приобретать специальный велосипедный билет, а в Республике Беларусь тандем путешествует по железной дороге по отдельному билету, за 100% от стоимости проезда пассажира. Зато, знаем по опыту, это сильно облегчает общение с проводниками и пассажирами. Желательно распечатать билеты, заблаговременно подъехать к своему вагону, ведь тандем надо разобрать на части: рама отдельно, колёса отдельно, сёдла с подседельными штырями снимаются, руль пилота поворачивается параллельно раме, педали также свинчиваются. Всё это упаковывается в специальный велочехол или просто в полиэтилен. Выглядит багаж внушительно и некоторых пассажиров пугает. Но удивительным образом всё это, плюс велорюкзак легко размещаются на третьей багажной полке. Тут важно приобрести правильные билеты, то есть желательно на один тандем — одну верхнюю полку. На боковых полках тандем не помещается, и в современных вагонах со

стороны коридора есть заглушки, и это затрудняет размещение тандема. Все эти тонкости лучше предусмотреть заранее, чтобы не испытывать прочность своей нервной системы при посадке в вагон.

Для того чтобы железнодорожные билеты не съели весь бюджет нашей поездки, был разработан непростой, но реальный маршрут с несколькими пересадками. Из Санкт-Петербурга мы доехали в поезде до Невеля, затем собрали тандемы, проехали тридцать километров, пересекли государственную границу и на станции Езерище после завтрака, приготовленного на горелке, сели в электричку до Витебска. Сэкономили не только деньги, но и время небольшого майского отпуска. Когда Сергей Смирнов ознакомился с маршрутом, у него даже сложилось впечатление что наш велопоход пройдёт на электричках. Он удивился и спросил: «А когда мы на тандемах-то кататься будем?»

Все тандемщики — Сергей Шарапов, Олеся Токунова, Сергей Смирнов и Андрей Гостев в одно время оказались рано утром в Невеле. Первый этап нашего маршрута закончен! Но тут начинаются неожиданности: сначала холодный ветер, потом поселковая дорога, как после бомбёжки, голые деревья, серая земля. Затем выбираемся на федеральную трассу, по-европейски ровную и гладкую. Настроение улучшается, выглядывает солнышко, и деревья покрываются зелёной дымкой, становится видна пробивающаяся зелёная трава, и даже цветочки вроде попадают. И птицы всё громче и громче щебечут.

На первой белорусской станции нас встречает небольшой чистый и уютный вокзал с подстриженным газоном и цветочными клумбами. Отмечаем важный элемент

доступной среды в виде грамотного пандуса на пути к железнодорожной кассе. На солнце всё теплее и теплее, и от этого всё радостнее и радостнее. Приобретаем билеты, в том числе и велосипедные. На каждый тандем один билет, хотя некоторые билетёрши имеют своё личное мнение на этот счёт. В белорусских электричках велосипеды можно провозить только в тамбуре. Поэтому для тандема подходят только первый или последний вагон, так как специальных мест для велосипедов нет. Тандем можно занести в салон вагона и поместить его перпендикулярно сиденьям, руль стокера повернуть параллельно проходу, тогда он не мешает пассажирам, а ещё лучше тандем зафиксировать, чтобы он случайно не упал. Таким образом, один тандем в начале вагона, а другой в конце. Поэтому критическая масса тандемов на один поезд — три и никак не больше.

В Белоруссии все платформы низкие, поэтому экипаж должен отработать быструю посадку и слаженную работу. Желательно, чтобы у велорюкзака были лямки, тогда пилот вешает его на спину и заносит его и переднюю часть тандема в поезд, а стокер с нарушением зрения помогает ему, приподнимая заднюю часть тандема, а затем поднимается наверх по ступенькам в электричку.

Во время велопутешествий наша команда пользуется мобильным приложением Maps.me. При наличии POWER BANK телефон подзаряжается и работает на протяжении всего похода. Телефон можно также «заправить» во время посещения кафе. Для нас неожиданно, что в начале мая здесь по-нашему уже лето. Вот именно за этими ощущениями мы сюда и приехали. Как хорошо, когда греет солнце и буйство свежей зелени вокруг!

В Белоруссии надо помнить о том, что на велосипедах по проезжей части ехать запрещено и за это нарушение взимается штраф. На тандемах скакать через поребрики не очень приятно, и пилоты вынуждены показывать чудеса виртуозного маневрирования. Однако как нам потом подсказали велосипедисты, что если двигаться в организованной колонне, то можно и по проезжей части, но желательно не в крупных городах.

И вот мы обращаемся к нашему мобильному приложению за рекомендацией, какие достопримечательности нам надо обязательно увидеть в Витебске. Долгожданный велопроезд по набережной и осмотр великолепного Успенского собора, который стоит на высокой горе. Город очень чистый, приветливый и с интересной архитектурой. Заглядываем в Музей трамваев, тем более что и в нашем городе к трамваям относятся очень уважительно. Приятное катание по городу приводит нас в парк на берегу реки Витьба. Тут — шок от того, как обустроена территория парка. Есть чему удивляться: прекрасная, качественная велодорожка с мостиками через реку и грамотно устроенной инфраструктурой. Мы даже позавидовали жителям Витебска. Вот бы и у нас организовали такие же веломаршруты!

Перед ночным поездом заруливаем в супермаркет, где приятно удивляют цены и изобилие товаров.

И снова в путь — на поезде в Барановичи, основной железнодорожный узел Белоруссии. Затем тандем-парад по городу в поисках обменника денег. Этот промышленный город не оставил ярких впечатлений.

На заднем колесе одного тандема начали вылетать спицы, и это заставило нас сильно поволноваться. В оче-

редной электричке мы отремонтировали колесо, надеясь, что в дальнейшем запасные спицы больше не понадобятся. Теперь будем внимательнее при распределении груза, на тандемах его надо распределять по длине всей рамы. Для этого можно использовать подрамные сумки и сумки для руля. А ещё у нас есть своё ноу-хау — «домик под рулём», это когда палатка фиксируется с помощью экспандеров на руле стокера.

Основной этап нашего тандем-тура начался в Ивацевичах. Низкий автомобильный трафик, внимательные и вежливые водители. Тёплый ветерок и свежий воздух, щебет птиц, зелёные поля и леса, запахи цветущих яблонь и слив, потом и черёмухи, а под конец путешествия и сирени, которая у нас зацветает только в конце мая, — вот ради этих красок жизни городские жители и стремятся на природу.

Достопримечательности южной Белоруссии очень разнообразны и интересны, тем более что эта территория до войны принадлежала Польше, что, конечно же, отразилось в архитектуре. Здесь мирно уживаются православные соборы и католические костёлы. Замки и дворцы как бы вписаны в окружающий пейзаж. Причём некоторые исторические объекты датируются XII — XIII веками. Стало даже жарко, вода в озёрах прогрелась, и в конце апреля нам удалось открыть купальный сезон.

Много приятных и незабываемых впечатлений мы получили от общения с доброжелательными местными жителями. Они охотно рассказывают историю своего поселения, разрешают набрать воды из колодца. Так, в Ружанах, выезжая из замка Сапегов, знакомимся с группой женщин на велосипедах, которая путешествует здесь

с Минским велоклубом. Наша предполагаемая стоянка находится на том же озере, что и у велосипедисток, и мы размещаемся рядом. Интересное общение, обмен опытом и туристскими историями — всё это обогащает новыми впечатлениями и повышает настроение. Здесь на стоянке мы знакомимся с активистом белорусского туризма Юрием Цыганчуком. Тут же мы делимся спортивным и туристическим опытом с преподавателем Минской школы-интерната для слепых и слабовидящих детей. По ходу выясняем, что велотуризма на тандемах в Белоруссии нет, поэтому наши пилоты проводят мастер-класс. Наконец, Виктор Кульпин играет на дуде — национальном белорусском инструменте, похожем на шотландскую волынку. И увлекает историей этого музыкального инструмента, которая напрямую связана с мифологией и обрядовыми традициями славян.

Покоряет отношение белорусов к своей родной земле. На протяжении всего нашего путешествия видим, что все поля обработаны, леса ухожены, заборы покрашены, а дома в порядке. Почти в каждом поселении на юге Белоруссии установлены поклонные кресты, которые на Пасху празднично убраны. В общем, в экологическом плане охарактеризуем Беларусь как страну, где стремятся к чистоте и порядку. Даже в небольших деревнях установлены контейнеры для отдельного сбора мусора. На маршруте замечаем, что в стране развиваются альтернативные источники энергии. Ветряки расположены повсеместно, и их очень много.

Посещаем усадебный комплекс Жерно. Когда-то здесь размещалась школа, теперь она переведена в современное здание. Несколько лет назад усадьбу приобрёл один бизнесмен, он планировал сделать здесь

туристический комплекс с музеем этнографии. Начал восстанавливать дом, но произошла автокатастрофа... Все работы остановились. За усадьбой присматривает пожилая женщина Валентина Николаевна, бывший директор школы. Она с любовью показала нам этнографическую коллекцию, которую сама собирала последние несколько лет. В этом народном музее мы живо почувствовали историю белорусского народа, его традиции. Тем более что нам разрешили многие экспонаты потрогать.

И вот снова мобильное приложение помогает нам преобразовать маршрут таким образом, чтобы избежать «жесткий грейдер», по которому тандем очень плохо и идет и едет. В этот момент у нас с Сергеем Смирновым возникла полемика о маневренности велосипеда, который способен преодолевать почти любое бездорожье, и неповоротливости тандема, который в этом трудном месте обязательно завязнет. В результате пришли к общему мнению, что тандемный и велосипедный туризм — это отдельные самостоятельные направления.

Наш белорусский тур, как и следовало ожидать, подтвердил общую закономерность первых в сезоне велопоходов, а именно: вначале приветствуются равнинные рельефы с небольшими горочками; ходовой день с посещением достопримечательностей рассчитывается из расчета скорости в 10 километров в час. Тогда и силы будут сохранены и достопримечательности осмотрены.

Нам в который раз крупно повезло. Началась гроза, но она задела нас совсем немного, и стихию мы переждали под крышей автобусной остановки. И снова наш мобильный помощник помог скорректировать маршрут и выбрать оптимальное место для ночлега. Доб-

равшись до вокзала, мы «подбросились» до зелёной зоны на электричке и в свете фонарей ночью разбили лагерь. Что позволило и выспаться, и начать утром ходовой день в оптимальном месте. Нас ждал уютный и симпатичный город Лида, где, судя по баннеру при въезде в город, на котором изображены три велотуриста, хорошо относятся к велосипедистам. В Лиде мы посетили очень интересный замок. Кстати, вход в музей для льготных категорий граждан с сопровождающими бесплатный.

Далее мы отправляемся в Новогрудок. Начинаются горочки, скатываться с них приятно. А вот подъёмы изматывают, особенно когда температура воздуха стремится к тридцати градусам. А у нас и летом-то таких температур не бывает! Форсируем Неман. Ночуем в поле, на краю лесного заповедника. И снова пение лесных и полевых птиц. В лесу, как белое покрывало, цветут первоцветы. Эпический закат.

Крутя педали по белорусским дорогам, Сергей Смирнов — создатель музея старинных велосипедов у себя на даче — пришёл к выводу, что велосипедизация в Белоруссии достаточно развита и имеет долгую историю. Он поделился своими наблюдениями: по одной стороне дороги едет бабушка на велосипеде марки «Аист» производства 1956 года, а навстречу ей катит бабушка на «Риге» 1959 года. Обе бабушки одеты в платья, а на голове платочки.

Близ селения Турец мы заезжаем на озеро, сделать небольшой привал и пообедать. К нам подходит дедушка и начинает рассказывать об истории этих мест. Выясняется, что Василий Павлович плохо видит и работает здесь смотрителем-обходчиком при здешнем рыбном хо-

зайстве. Как было интересно услышать его простую жизненную философию, мысли об отношении к жизни и людям... Он хорошо ориентировался и провёл нас к возрождённым источникам с родниковой водой.

Самое яркое впечатление оставило посещение замков в городах Мир и Несвиж. Когда будете в Белоруссии, обязательно их посетите.

Постепенно приближаясь к Минской области, всё чаще и чаще встречаем мемориалы и памятники Великой Отечественной войны. Как важно хранить память об ужасах войны и о нашей общей Победе и истории! Так, в селе Городеи находится мемориал — захоронение почти 1 200 местных жителей, которых расстреляли фашисты.

В финале пятого ходового дня, после ночёвки в лесу, мы начинаем потихоньку собираться домой. Напоследок покатались по Минску. Красота! Приятные впечатления о столице Белоруссии только усилились. Ребята сделали классную фотооткрытку на площади Независимости у памятника-фонтана «Журавли». Перед отъездом возникло то чувство, когда и расставаться тяжело, но и домой тянет.

И снова разбор тандемов и в поезд, «доброска» до Езерища. Удивительные иногда встречаются попутчики в поезде. Так, предприниматель из Карелии поделился с нами финским методом сушки сена в дождливую погоду. А у нас есть общий друг фермер, который в прошлое дождливое лето испытывал значительные трудности при заготовке сена. И друг с другом в поезде есть время поговорить. Выяснилось, что мой дедушка и дед Сергея Смирнова были участниками Таллиннского перехода в 1941 году и сейчас есть специальный инфор-

мационный ресурс, где можно найти много информации об этом событии.

Прошли границу легко, без досмотра, и отправились перед ночным поездом на озеро Заверезье встречать закат. Красота там необыкновенная, но оказалось, что и клещей там немало. Поэтому на природе нельзя расслабляться. В сумерках, в свете фонарей и проблесковых маячков завершался наш «Беларусь тандем-тур».

Выводы и рекомендации.

В Белоруссии на тандемах ездить можно в любое время.

Маршрут лучше распределять по 50 — 80 км в день.

Всегда необходимо иметь запас воды, карманный перекус и ремнабор, хотя магазины работают хорошо.

Чтобы не обгореть на солнце, берите с собой защитный крем и соответствующую одежду.

Старайтесь выбирать асфальтированные дороги местного значения, движение автотранспорта на них не такое интенсивное, как на автомагистралях. Избегайте грейдеров и просёлочных песчаных дорог. На них с тандемами приходится ходить пешком.

400 км для первого велопохода вполне достаточно, если у вас есть начальная подготовка.

Для вещей лучше выбирать велорюкзак «штаны» и подрамные сумки. Допустим небольшой рюкзак на спину.

В этом мае было по-летнему жарко, но тёплую одежду и спальники надо брать обязательно.

ЗЕЛЁНАЯ СКАЗКА АБХАЗИИ

Дело было в Абхазии, в знаменитом курортном городе Гагра. Повсюду цвели магнолии, тянулись в небо стройные кипарисы и необыкновенно восхищали нас великаны-эвкалипты. Шли дожди, море не прогревалось, хотя на календаре было лето — вторая половина июня. Мы работали со школьниками, изучали растения. Это была программа «Шаг в будущее». Талантливые школьники — биологи, физики, химики, изобретатели — приехали из разных уголков России, даже из далёкой Якутии, с «полюса холода» — Оймякона.

Как-то раз после обеда мы решили пойти на прогулку в Жозкварское ущелье. Уж очень хотелось нам там побывать. Ущелье это представлялось мне узким и тёмным. Я читала про него разные истории. Говорят, что у принца Ольденбургского, основателя Гагры, в этой части города располагались бараки для прислуги и конюшня. А в конце Великой Отечественной войны здесь находились лагеря для немецких военнопленных. Затем здесь построили тоннели, мосты и плотины, жилые дома...

И вот мы на улице Октябрьской. Кругом цветы, виноград, инжир. На фоне серовато-серебристых листьев горят красные «фонарики» — так цветут фейхоа. Кстати, мало кто знает, что эти цветки съедобны! Дети распекают на велосипедах, бездомные собаки выпрашивают еду... А вокруг — горы, в небе парят хищные птицы! Идёт мелкий дождь, но это нас ничуть не расстраивает.

Проходим мимо старых построек. Вот здание с величественными колоннами, чем-то похожее на театр, оказывается, это бывшая городская общественная баня. На крыльце, балконах и на крыше успели вырасти кусты и деревья, стены совсем облупились от старости, под мрачными сводами лоскутами свисает штукатурка. Дальше — здание с надписью «Холодильник» и датой постройки — «1934 год», оконные проёмы загорожены фанерой, где-то заколочены. Под самой крышей ещё сохранился стеклянный фонарь. Старые гаражи и руины кирпичных построек увил плющ, на асфальтовой площадке валяются какие-то металлические детали. На бетонной плите горкой лежат ржавые гвозди. Разрушенные фундаменты зданий поросли травой.

Справа от нас — вершины гор, кажется, что они нависают над заросшими лесом склонами.

За разговорами мы не заметили, как асфальтовая дорога плавно перешла в лесную тропинку, да и дождь закончился. Бодро шагаем по дорожке, рассматриваем растения. Поблескивают глянцевые листья плюща, лиана сассапариль протянула длинные колючие побеги с молодыми розоватыми листочками. Вот парочка клопов на листе, а это бабочки-пестрокрылки расселись на дороге. Справа от нас — река Жоэква. Поток бурный, но вода такая прозрачная, что на дне заметен каждый камень. Чуть поодаль от нас, впереди, — трудяги-лошадки повезли туристов по знакомому маршруту в горы. Мы пошли следом, в надежде, что тропинка для всех одна...

Вдруг стало как-то сумрачно, постепенно по обочинам дороги начали появляться папоротники-листовики, колючие иглицы, изумрудно-зелёные плети плюща и мхи, мхи

повсюду: на деревьях, кустарниках, на камнях. Мы будто попали в колдовской лес! Это заросли самшита. Здесь мы с попутчиками расстались, они пошли искать брод через реку в надежде попасть на противоположный берег, а я продолжила путь по тропе. Меня окружил лёгкий полумрак, фотографировать стало непросто. Вчера на экскурсии на озеро Рица гид рассказывал нам, что в горных ущельях Кавказа снимали много фильмов, среди них и сказки. Декорации приготовила сама природа! Но уже там, в горах, по пути к озеру, на фоне яркой зелени были отчётливо заметны очаги поражения самшита. И сейчас на склонах гор вижу точно такую же картину.

Тропинка моя незаметно потерялась... Стою, а передо мной лишь крутой склон, поросший лесом. Куда я попала? Оглядываюсь вокруг, смотрю, а все самшиты вокруг меня — мёртвые! Внешне лес кажется зелёным, но это иллюзия: веточки самшитов покрыты мхами. Пробую отломить тонкую ветвь, она с треском поддается. А самшит, между прочим, — железное дерево, и сломать его совсем непросто! Поднимаюсь по каменистому склону. И этот самшит погиб, и следующий. Казавшиеся издалека зелёными участки леса обманули меня.

Долгие годы самшит истребляли как раз за его ценную древесину — тяжёлую и твёрдую, пригодную для резьбы и гравирования. Из неё делали и белые шахматные фигурки, и ткацкие челноки, и духовые инструменты. Даже флейта богини Афины была сделана из самшита! С этими мыслями пробиралась я по ущелью. Кое-где нашла и живые деревья. Их зелёная листва необыкновенно красива в лучах солнца! Не зря самшит так любят сажать на клумбах и как бордюр вдоль доро-

жек в парках. К тому же он и стрижку легко переносит, и подрезку.

Дело шло к вечеру, в самшитовом лесу стало совсем темно, и я отправилась в обратный путь, домой. По дороге фотографирую склоны Жоэнварского ущелья, вот уже и жилой квартал. Тут подходит ко мне местная жительница — огромная, как великанша, раза в полтора выше меня, словно хозяйка этих гор... Поздоровались.

— Вот, погиб весь самшит у нас...

— И что сейчас? Есть бабочки?

— Да что вы! У нас такие морозы были! Минус восемь! Бабочки погибли, но и самшит они погубить успели! Мандарины кое-где подмёрзли в садах!

— Самшиту такой мороз не очень страшен. Он, бывает, и посильнее холода выдерживает. А как-то обрабатывали этот лес?

— Да, немножко опрыскивали, вдоль дорожек в основном. Кто ж в горы-то полезет? Сложно, да и дорого это всё!..

— А местные жители как-то используют эти сухие деревья?

— Да нет, что вы... Сейчас и уголь-то для шашлыков в магазине берём, проще сразу купить большой мешок! Неужели ещё за этим в горы ходить?! Никто не полезет.

Помолчали, окинули взором склоны...

— Ну, ничего, так-то, внешне склоны зелёные, красивые, — продолжила «хозяйка гор».

На этом мы разошлись. Я пошла посмотреть, какие растения есть на пустыре, а собеседница — бельё развешивать...

И вот снова цветущие огоньки фейхоа, гранаты, инжиры, виноградные лозы и мушмула за забором красивого

дома. Блестит листва лавров, по специальной сетке вьётся пассифлора, повисает соцветие банана, а вот и пчела-абхазянка.

Здесь течёт простая земная жизнь. Кто-то распилил ствол пальмы, у кого-то на крошечном балкончике уютится целый ботанический сад. Оглядываюсь назад — улочка будто сужается и растворяется в ущелье... И лишь едва заметная тропинка снова мысленно уводит меня в самшитовый лес.

К роду самшит относятся кустарники или небольшие деревца, высотой до 8 — 12 метров. Как правило, растут они очень медленно, а живут долго, веками. Насчитывается свыше 100 видов и форм. Произрастают виды рода самшит в горах Центральной и Восточной Азии, в Северной Африке, Южной Европе, Вест-Индии, Центральной Америке. Предпочитают плодородные влажные почвы.

На Черноморском побережье Кавказа, начиная с 1905 года, было введено в культуру более 30 видов самшита. В естественных условиях, в горах он поднимается здесь до 1500 метров. Любимые места самшита — тенистые влажные ущелья, реже — низменности. У самшита своё место в лесу: он образует особый ярус. В таких лесах царит полумрак, кустарников и трав мало. Зато обильно разрастаются мхи и создают магические изумрудные пейзажи. Но можно встретить самшит и на скалистых обнажениях известняка в ущельях — там он растёт или небольшими группами, или в виде единичных деревьев.

Самшит колхидский находится на грани вымирания и занесён в Красные книги России, Грузии, Азер-

байджана. Размножают самшит семенами, отводками, делением, черенками, прививкой. Следует помнить, что семена быстро теряют всхожесть. Листья и семена самшита очень ядовиты: содержат алкалоид буксин.

...Тем временем я уже оказалась на площади Гагарина. Это старая часть Гагры. Фонтан, ровно подстриженные шапочки кустов. Хотя путь до дома предстоял неблизкий, автобус решила не ждать, пошла пешком по вечернему городу... Глубокие ущелья разделяют горы. Дорога петляет, с правой стороны периодически показывая мне море. Вот на песчано-галечном пляже поселилась компания коровяков. Один умудрился вырасти даже на пальме! Вообще, на пальмах — свой особый мир. Тут и ежевика, и плющи, и самые разные папоротники находят свой дом. Цветущие магнолии, олеандры, пальмы, пятнистые стволы платанов, запах эвкалиптов. Вечером в воздухе смешиваются все ароматы — моря, эвкалиптов, магнолий...

Я шла по волшебному сказочному миру. Но погибшие самшиты не давали мне покоя. Шла я и думала: как же так — ведь эти реликтовые аборигенные леса существовали здесь сотни, даже тысячи лет... А простая неприметная бабочка смогла погубить их на огромных территориях...

Самшитовая огнёвка (Cydalima perspectalis) — насекомое из семейства огнёвок-травянок (Crambidae). Её родина — страны Восточной Азии. Сначала этот вредитель попал из Китая в Германию, с посадочным материалом. Случилось это примерно в 2006 году. В

2008 году вредитель завоевал Англию, Нидерланды, Швейцарию. Дальше — Австрию и Францию, пару лет спустя — Румынию, Венгрию, Турцию. Так и начала бабочка своё кругосветное путешествие. Теперь она завоевала Европу, Кавказ.

Гусеницы самшитовой огнёвки необычайно прожорливы. За несколько часов гусеница полностью съедает листочек самшита. Когда листьев не остаётся, гусеницы переключаются на кору и даже корни деревьев. Повреждённые самшиты постепенно усыхают и погибают.

Учёные во многих странах мира занимаются сохранением и восстановлением самшитовых лесов. Селекционеры отбирают формы самшита, устойчивые к повреждению насекомыми.

Биологи создают специальные криобанки семян самшита, а также питомники для выращивания и пересадки самшита на места погибших лесов. Это можно будет сделать, когда вспышка массового размножения огнёвки пойдёт на спад.

Хочется верить, что самшитовые леса удастся сохранить, и многие-многие поколения людей смогут наслаждаться зелёной сказкой Абхазии.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ

Советский школьник № 7 за 1983 г.

Анатолий Майданов

СОЮЗ УМА И ДОБРЫХ ГЛАЗ

Жить можно по-разному: жизнью деятельной и насыщенной или обыденной и праздной. Деятельная жизнь — это необязательно жизнь великого человека. На неё способен всякий. Но для этого человеку нужно ориентироваться не на средние свои силы и возможности, а на максимальные, не оставаться в рамках, навязанных жизненными обстоятельствами, а выходить за их пределы. Не так ли было в жизни каждого из вас, преодолевших пути своего недуга и поднявшегося до уровня полноценной жизни? И ещё в большей мере это относится к выдающимся незрячим деятелям науки, искусства, литературы. Одним из ярких примеров таких людей является Франсуа Губер, естествоиспытатель, академик.

Родился он в 1750 году в Женеве в обеспеченной семье. Его отец отличался живым умом, был художником и музыкантом, любил наблюдать поведение животных и написал ценный трактат об особенностях полёта хищных птиц. Под влиянием отца Франсуа пристрастился к естествознанию и уже в детстве проявлял большую наблюдательность и интерес к природе. Книги по естествознанию, литература завладели им. Читал он их и

днём и ночью при слабом огоньке свечи, а когда её у него забирали, то и при лунном свете. Может быть, из-за этих чрезмерных занятий в 15 лет его зрение стало меркнуть.

Пока оно ещё оставалось, юноша вёл активную жизнь, общался со сверстниками, посещал урок танцев. И именно там он встретил семнадцатилетнюю дочь важного сановника — Марию, и в их сердцах вспыхнуло сильное взаимное чувство. Мария посвятила ему всю свою жизнь, в течение сорока лет неутомимо и нежно заботилась о нём. Она была его чтицей, секретарём, делала для него наблюдения, оберегала от всяких неприятностей. О своей маленького роста супруге Франсуа говорил: «Великая душа в маленьком теле». С ней он не замечал слепоты.

Продолжая чтение книг по естествознанию, Губер заинтересовался жизнью пчёл. И эти небольшие насекомые, изучение которых требовало тонких наблюдений, стали предметом научных занятий человека без зрения. Глазами Губера в этой работе был преданный слуга Франциск Бюрнан, его умный и верный ученик и помощник.

Губер обучил Франциска методам проведения опытов и наблюдений. На основании описаний Бюрнана Франсуа составлял себе точные, самые детальные представления о жизни пчёл. Кроме того, Губер пользовался свидетельствами жены и своих друзей. В шутку он говорил другим исследователям: «Я гораздо более уверен в том, что рассказываю, чем вы в том, что видите сами, так как вы пишете о том, что видели только одни ваши глаза, я же выбираю среднее между показаниями нескольких человек».

Позднее в своём первом научном труде Губер со всей щедростью души воздал должное своему слуге. «Если в наших открытиях, — писал он, — есть что-либо хорошее, то честь эту я должен разделить с Бюрнаном». По словам Губера, у Бюрнана был врождённый талант наблюдателя. Он к тому же часто усовершенствовал приспособления для опытов и даже сам изобретал новые. Губер мог полностью доверять наблюдениям Франциска и считал хорошо проверенным то, что видели его глаза. С большим умением и терпением проводил Бюрнан опыты, задуманные учителем. Часто Франциску приходилось сидеть по 24 часа около улья, чтобы увидеть нужное событие.

Вначале они проводили наблюдения, используя застеклённые ульи. Затем Губер изобрёл улей особой конструкции, который он назвал ульем-книгой, или перелистывающимся ульем. Он состоял из легко открывавшихся рамок, при этом пчёлы оставались спокойными. Такая конструкция улья обеспечивала лучшие условия для наблюдений, благодаря чему Губер со своим помощником открыли много новых и интересных явлений в жизни пчёл. К тому же она обладала рядом достоинств полезных и в хозяйственном пчеловодстве: она побуждала пчёл производить больше воска, обеспечивала простой способ создания новых пчелиных роёв.

Открытия Губера касаются прежде всего размножения пчёл, он, к примеру, установил, что оплодотворение пчелиной матки происходит не в улье, как до этого считалось, а высоко в воздухе. Как заметил биограф Губера А.П. Де Кандоль, этот факт ускользал от глаз обыкновенного исследователя, но не разума слепца. Им были описаны интересные моменты в поведении пчёл в

улье: события, связанные с заменой старой матки новой, драки маток, избиение трутней. Он первый описал поведение летающих роёв, доказал, что пчёлы узнают друг друга с помощью усиков.

В 1792 году Губер издал свой первый научный труд «Новейшие наблюдения над пчёлами». Это сочинение поразило специалистов не только новизной открытых явлений, но и большой точностью описаний, а также тем, что автору приходилось работать в исключительных и трудных условиях, которые он с успехом преодолел. Такое было возможно только при необыкновенных способностях этого учёного и сильных чертах его характера. Европейские академии, в том числе и Парижская, избрали Губера своим членом. Он занял место среди самых опытных и самых проницательных исследователей.

В дальнейшем, когда пришлось расстаться с Бюрнаном, Губеру помогали жена и сын Пьер. Как и в Бюрнани, Губер и в сыне зажёг страсть к исследованиям и поиску истины. Пьер с помощью отца научился проводить опыты и наблюдения и достиг больших успехов в изучении жизни муравьёв и других насекомых.

В 1814 году вышел второй труд Губера о пчёлах. В его подготовке принял участие Пьер. Губер смог внести ясность в вопрос о том, как пчёлы производят воск и прополис (пчелиный клей). Оказалось, что воск выделяется в виде пластинок между колечками брюшка пчелы. Губер сделал открытия и в области дыхания пчёл, вентиляции ими улья.

Вместе со швейцарским естествоиспытателем Ж. Сенебие Губер изучил вопрос о прорастании зёрен, для чего помещал их в особую атмосферу улья. Итогом этих

исследований был совместный труд о влиянии воздуха на прорастания зёрен. Была доказана необходимость кислорода для развития растений.

Для того чтобы самостоятельно писать, он с помощью нового слуги, в котором открыл способности механика, сконструировал специальное приспособление: маленькие выпуклые буквы помещались в ячейки, затем на набранные строчки накладывалась бумага, смазанная особыми чернилами, а на неё — чистый лист, после чего с помощью ножного пресса делался оттиск. Полученная таким образом возможность самостоятельно писать доставляла ему бесконечную радость. Доставляли ему удовлетворение и самостоятельные прогулки. Чтобы облегчить их, вдоль дорожек усадьбы была натянута проволока с небольшими уголками, служившими ориентирами.

Окружавшие Губера люди — родственники и друзья — проявляли о нём большую заботу, помогая во всём. Это в большей степени гасило в Губере те беспокойные переживания, которые вызывала слепота. В нём не развились отрицательные черты характера — раздражимость, жестокость, нетерпимость. Напротив, он был чуткой и возвышенной натурой, наделённой большой добротой. Он сам умел оказывать благотворное влияние на других: находил в них скрытые возможности и способствовал их развитию, как это было с Бюрнаном, — в нём Губер пробудил сильную тягу к науке. Он любил молодёжь, которая гораздо более гармонировала его настроениям, чем люди зрелого возраста. До конца жизни Губер любил руководить занятиями молодых людей и был одарён способностью заинтересовать и увлечь их тем или иным

делом. И хотя он постоянно стремился к новым знакомствам, он, тем не менее, никогда не покидал своих старых друзей. Он говорил: «Естественная вещь, которую я никак не мог понять, — это разлюбить кого-нибудь».

На свой недуг Губер никогда не жаловался и благодаря живому и сильному характеру спокойно переносил свою участь. Умение шутить, веселиться, вести остроумный разговор было чертой его характера, соединявшейся в нём с серьёзностью учёного, с энциклопедической образованностью. Проницательный ум, дополненный глазами преданных ему людей, помогал доходить до сути вещей, постигать тайны природы. По словам Губера, утешением для него было то, что потеря зрения не помешала ему быть хоть сколько-нибудь полезным для развития естествознания.

Умер он в 1831 году. Его сочинения продолжали изучаться специалистами, переводились на другие языки, в том числе и на русский. Именем этого выдающегося естествоиспытателя была названа одна из пород деревьев в Бразилии.

Журнал Советский школьник № 6 за 1988 год

Валерьян Дорняк

ЛЯГУШКА ИЗ СКАЗКИ

Журнал «Советский школьник» вошёл в мою жизнь, когда мне было двенадцать лет. До сих пор это мой желанный спутник и верный друг. Я с большим интересом прочитываю каждый номер, радуюсь новым рубрикам. Именно на страницах этого журнала были впервые

напечатаны мои басни. Но всё-таки по-настоящему журнал дорог для меня тем, что помог мне стать таким, какой я есть.

Шёл 1938 год. Учился я во втором классе неполной средней школы для слепых детей в городе Грязовец Вологодской области. Был переростком. Когда нормальные второклассники на уроках труда лепили из пластилина, делали из бумаги игрушки, мы, переростки, отправлялись в школьную трикотажную мастерскую, где вязали носки, чулки, шарфы, свитера. За вещь, связанную без брака, начислялась зарплата. К концу учебного года у меня набралось несколько рублей, и я мечтал закупить много-много леденцов. Только случилось другое. На пионерском сборе вожатая сказала нам, что летом начнёт выходить детский журнал для незрячих школьников, и попросила поднять руки тех, кто хотел бы на него подписаться. О леденцах я тут же забыл. Все мои сбережения ушли на подписку, и я ни разу в жизни об этом не пожалел, а, наоборот, до сих пор горжусь, что оказался в числе первых подписчиков.

Наступило лето. Ребята разъехались по домам на каникулы. Остались только те, кому некуда было ехать, в основном сироты, в их числе и я. В школьном лагере, в деревне я и получил первый номер «Советского школьника». Радость распирала мою грудь: я держал в руках собственный, новенький, никем ещё не прочитанный журнал. Лес, речка, солнце сразу отошли на второй план. Меня, счастливчика, окружили малыши и просили дать им подержать или хотя бы потрогать толстую книжку, но я разрешал далеко не каждому и при этом следил, чтобы сначала вымыли руки с мылом. Насилу отбившись от любопытных и усевшись в тени,

я приступил к священнодействию: принялся читать и зачитался до того, что не слышал звонка на обед. Особенно поразила меня сказка о двух лягушках. Прошло столько лет, я уже не помню, что ещё было в том журнале, но сказку помню, пронёс её через всю жизнь, рассказывал её своему сыну, когда он был маленьким, потом внукам и, конечно, ученикам. Сказка помогала им, как помогла она и мне.

Что это за сказка?

В кувшин с молоком попали две лягушки. Одна из них решила, что обязательно погибнет, смирилась со своей горькой участью, сложила лапки да и утонула. Другая же лягушка не теряла надежды на спасение, барахталась, била лапками и в конце концов сбила из молока ком масла. Взобравшись на него, она выпрыгнула из кувшина.

Могу сказать без преувеличения: эта лягушка зарядила меня своим оптимизмом на всю жизнь.

В тот же день я решил последовать её примеру. Дело в том, что я не умел плавать, но очень хотел научиться. Мешал страх — я не мог его преодолеть. А тут твёрдо решил: переборю себя. Пошёл на речку, быстро разделся и, не раздумывая, устремился в воду. Сгоряча аж до пояса зашёл. Постоял, подумал, сделал ещё шаг в глубину, потом ещё один, и вот уже вода дошла мне до подбородка... Всем существом рвусь к берегу, а та лягушка как будто говорит: не трусь, попробуй — окупись. И я окунулся, причём так сильно развёл в воде руками, что меня оторвало от дна и понесло по течению. Я зашлёпал руками и ногами по воде и изо всех сил закричал:

— Тону! Спасите!

А мне с берега:

— Да ты же плывёшь! Давай сюда, на голос!

Я ещё долго барахтался, как та лягушка, пока не коснулся дна. Не прошло и недели, как я уже мог переплыть эту речку.

В том же 1938 году, зимою, я ещё дважды перешагнул через свой страх. Школа наша стояла на берегу Ржавки. Хоть Ржавка и считалась речкой, но по существу это был овраг с высокими крутыми берегами. Летом Ржавка пересыхала, а зимой служила нам отличным лыжным стадионом. По её дну далеко уходили две параллельные лыжни, и мы носились по ним взапуски. Но меня занимало другое. Старшеклассники лихо съезжали по склону оврага на лыжах, а я, спускаясь, нёс их в руках. И вот я решил во что бы то ни стало тоже научиться съезжать на лыжах. Стал тренироваться на небольших пригорках. Падал, ушибался, но настойчиво шёл к своей цели и при этом помнил лягушку-оптимистку. Наконец настал миг, когда я отважился скатиться по крутому склону оврага. И это получилось так лихо, что с разгону меня чуть-чуть не вынесло на противоположный берег.

Другую победу над собой одержал я на коньках. В школьном дворе была высокая деревянная горка, которую зимой поливали водой. Малыши скатывались с неё на санках, а кто постарше и посмелее — съезжали на коньках. Я же на санках съезжать стыдился, а на коньках боялся. А тут начал пробовать. Поднимусь, бывало, на верх горки — коньки на ногах, в душе страх. Постою-постою, потом присяду, помчусь вниз, только ветер в ушах свистит. На ходу пытаюсь выпрямиться, и лягушка будто шепчет: не робей, не робей! Съезжаю так-то на

корточках с горки и только начну выпрямляться, как тут же падаю и остаток пути проезжаю на спине, коньками вверх. Ребятам смешно, а мне хоть плачь! Только не каждый раз я падал, и это вселяло в меня надежду. Короче, не прошло и месяца, как я свободно стал съезжать на коньках в полный рост.

Каждая победа придавала мне уверенности в своих силах, и уже новые победы давались значительно легче. Ещё о двух из них мне хочется рассказать, так как эти победы стали решающими в моей жизни. Возможно, мой рассказ поможет кому-нибудь из вас.

Чем старше я становился, тем больше испытывал зависимость от зрячих людей. Нам, школьникам, запрещалось выходить за пределы школьной территории — боялись несчастных случаев. Несмотря на запрет, некоторые ребята, такие же, как и я, без остатка зрения, умудрились изучить город и ходили по улицам довольно свободно. Я долго не решался выйти за школьные ворота, а так хотелось научиться ориентироваться в городе самому! Помог мой школьный друг Вологдин. Он был совсем слепой, но ориентировался прекрасно. День за днём учил он меня переходить через улицы, показывал приметы, помогающие ориентировке. Месяца через два я уже неплохо освоился: один, правда, с тросточкой, мог сходить в магазин, на вокзал или ещё куда-нибудь. Очень мне пригодилось впоследствии умение ориентироваться в незнакомых местах. А побывал я в десятках городов и сёл, куда часто приезжал один.

Другую победу, тоже не из лёгких, одержал я в последний год учёбы в Грязовецкой школе. Мне всегда поручали подтягивать отстающих, я любил заниматься с ними и радовался их успехам больше, чем своим. Мечтал стать

учителем. Как-то Н.Е. Черняев, наш директор, вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что если я хочу учиться дальше, то должен окончить выпускной класс круглым отличником — только при этом условии переростков принимали в среднюю школу. С того самого дня я принадлежал на учёбу и все выпускные экзамены сдал на «отлично».

Давно уже позади Костромская средняя школа, Ярославский педагогический институт, годы учительской работы. Сбылась самая главная моя мечта — я стал учителем.

Мне хочется сказать сердечное спасибо «Советскому школьнику» за то, что он подарил мне такую замечательную сказочную лягушку, а в итоге подарил будущее.

Журнал Советский школьник № 8 за 1983 год

Владимир Подаруев

ЗОЛОТОЙ РУЧЕЙ

Всё произошло до смешного нелепо. Они повздорили с Серёгой, и Федька, чтобы не видеть насмешливых глаз друга, перепрыгнул ручей и пошёл по другому берегу да ещё немного отстал. Зойка, конечно, осталась с Серёгой.

«Ну и пусть, — думал Федька, — дорогу я и без них знаю. Ещё посмотрим, кто больше ягод наберёт».

Потом у него мелькнула внезапная мысль: «А вот я им докажу, что золотой ручей не зря называется так, должно в нём быть золото!»

Собственно, из-за этого и рассорились. Федька доказывал, что в любой земле есть полезные ископаемые, в частности золото, надо только как следует поискать. А Серёга говорил, что ближайшее месторождение золота находится в соседней Челябинской области в районе Миасса, а здесь, мол, ничего нет и быть не может.

«Ладно, посмотрим», — решил Федька и остановился, когда дошли до белых осыпей (так назывался крутой песчаный обрыв). Песок здесь был белый-белый, как нигде в округе, весь переливался и сверкал на солнце. Даже смотреть на него было больно.

— Федюхо-а-а, — крикнула Зойка, — айда!

— Иду! — отозвался он, а сам присел на корточки. В ладонях золотыми искрами вспыхнули песчинки. Федька пересыпал их из руки в руку, искал самые блестящие и крупные. Отсортировав таким образом пригоршню песка, Федька спустился к воде, чтобы промыть его. Намокший песок сразу потерял весь блеск, сделался серым и просыпался между пальцами на дно ручья. Никаких золотинок, которые ожидал увидеть Федька, в его ладонях не оказалось.

«Неправильно мою, надо попробовать по-другому».

Он сложил ладони лодочкой, набрал в них песок и погрузил руки в ручей. Теперь струя вымывала только верхний слой, самый лёгкий, всё тяжёлое должно было осесть. Федька тщательно обследовал оставшиеся песчинки. Ничего похожего на золото не нашлось.

После нескольких неудачных попыток отыскать золото, Федька решил оставить это занятие и догнать товарищей.

— Эге-гей! — крикнул он, и эхо повторило за ним: «Эй-эй...»

Серёга и Зойка не отвечали. Федька подхватил корзину и побежал вдоль ручья. Пробежав метров двести, он аукнул, и в ответ опять — только эхо.

«Надо выбраться наверх», — наконец сообразил он и полез по песчаному обрыву.

— Где вы? — Федька крикнул изо всей мочи. Высокие сосны подхватили и понесли его голос.

— Иди сюда-а-а, — услышал он совсем близко. Но лесное эхо обманчиво. Федька пробежал по опушке, нырнул в молодой сосняк, откуда слышал голос Серёги, и позвал:

— Подождите!

Ответ послышался будто с другой стороны и совсем тихий.

«Ну, и пусть, — подумал Федька, — ягодные места я и без них знаю».

Он снова спустился к ручью и уже неторопливым шагом двинулся дальше.

Белый песок вскоре кончился, крутые берега сошли на нет, ручей затерялся в заболоченной луговине. Под ногами захлюпало. Федька запрыгал по кочкам, но быстро устал и свернул к лесу: лучше обойти трясины. Березняком и осинником он вышел к речке. Прислушался, вроде бы его звали, где-то далеко-далеко. Федька даже не стал откликаться. Его внимание привлекли цветы, большие, золотистого цвета. Они яркими фонариками горели на тёмной воде реки.

— Лилии, — прошептал Федька, — вот здорово! Сейчас я их нарву, Зойка как обрадуется, у посёлка таких не найдёшь.

Федька разделся и осторожно вошёл в воду — место было незнакомое. Дно круто уходило вниз, и почти от

самого берега пришлось плыть. Листья лилий широкие, как лопаты, колыхались посреди омута, будто тоже плыли. На их зелёных плечах гордо покачивались жёлтые чашечки цветков. Они манили и завораживали. Так и хотелось дотронуться до прохладных лепестков губами. Федька даже заспешил, заработал быстрее руками и ногами, но тут же пожалел об этом. Длинные, как верёвки, стебли лилий обвилились вокруг ног, опутали их. Руками Федька инстинктивно ухватился за другие стебли, но они податливо пошли вниз, Федька погрузился в воду, пробовал встать — дна не было. Он резко взмахнул руками, вынырнул на поверхность, ноги, перевитые водяными лианами, тянули обратно.

«Освободиться от пут можно руками», — догадался Федька и набрал побольше воздуха. Он ушёл под воду, свернувшись клубком, и стал обеими руками рвать скользкие стебли. Одна нога оказалась свободной, но и воздуха уже не было. Он опять рванулся наверх. Отчаянно замолотил руками по воде, чтобы удержаться, дышал тяжело. Теперь нырять сделалось страшно, Федька дёргал ногой, но водоросли не отпускали. «А, отдохну, и была не была! — решил Федька. — Лишь бы ещё сильнее не запутаться».

И правда, свободная нога угодила в самую гущу стеблей, вытащить её оттуда стоило немалого труда. Он принял вертикальное положение, только чуть подгребая воду, чтобы удержаться, и сразу почувствовал облегчение. Опутанная нога больше не натягивала стебли, и они сами по себе начали расплетаться, ослабили хватку. Федька попробовал плыть, водяные жгуты заскользили по бедру, по коленке, но тут было едва не затянулись в узел, но вот колено вытянуто. Сейчас ступня...

Велико было желание одним рывком покончить с зелёными цепями, но у Федьки хватило выдержки. Оттянув носок, он легонько потряхивал ступнёй, пока не понял, что свободен. Теперь — быстро к берегу. Но Федька плыл медленно, осторожно раздвигая листья и стебли. Только на чистом месте он вздохнул облегчённо и поплыл крупными сажёнками.

Он вылез из воды и опустился на траву. То ли оттого, что солнце зашло за тучу, то ли от только что пережитого, Федьку бил озноб. Он натянул на себя футболку и обхватил колени руками. Так и сидел, глядя на воду, не зная что предпринять. Омут с лилиями казался зловещим, лезть в него второй раз не хотелось, но и отступать — тоже.

Выглянуло солнце, и жёлтые цветки на реке опять засветились, заиграли, словно золотые самородки. Казалось, они поддразнивали Федьку:

— А ну, попробуй достань!

Федька рассердился на себя и на цветы. Вначале подумал: «Экая невидаль — лилии! Можно и получше найти, нарву вон ромашек, колокольчиков, а постараться — так и фиалку лесную найти не проблема. Да, но лилии-то, вот они, рядом. Получается, что струсил?»

Федька одним рывком сдёрнул футболку и прыгнул в воду. Пока доплыл до зелёных зарослей, успокоился. Теперь действовал осторожно, не спешил. Он облюбовал крупный распустившийся цветок и начал потихоньку к нему подгребать, раздвигая на своём пути листья и стебли. После первого трофея направился ко второму, третьему и тут — обомлел: среди жёлтых цветков красовалась белая лилия. Её мраморные лепестки будто сами излучали свет, горели и светились изнутри. Федь-

ка плыл на одной правой, в левой держал цветы, и уже устал, но белая лилия манила. До неё было метра четыре. Пришлось напрячь все силы. И вот царственный цветок в его руке. Сейчас — к берегу, лишь бы не запутаться в зелёных верёвках. Но он уже наловчился находить просветы меж стеблей и щукой проплывал в них. Только вот правая рука бы не подвела, уже еле-еле выгребает, а голова то и дело погружается в воду. Федька отфыркивается и плывёт, плывёт по зелёному полю. Наконец заросли кончились, вот она, чистая вода! Федька повернулся на спину, теперь можно отдохнуть, переменить руку и плыть на левой, да и берег близко.

И всё же ноги его подрагивали, когда он ступил на землю, а руки сделались тяжёлыми. Но что это для него, когда вот они — великолепные, чудесные, недоступные цветы! Но их ещё надо было сохранить, спасти от солнца, которое жгло сейчас немилосердно. Федька нарвал огромных, что тарелка, листьев лопуха, завернул в них лилии и бережно опустил в корзинку. Только после этого оделся и пошёл к золотому ручью.

— Федя, Федя! — в один голос кричали Зойка и Серёга. Он откликнулся и побежал в их сторону. — Ну, ты и действительно Федюха — голова два уха, — сердито сказала Зойка, когда они, наконец, встретились. В другой раз Федька огрызнулся бы в ответ, но сейчас он был виноват и пришлось оправдываться.

— Я цветы рвал. Вот, если хочешь, бери, — он вынул из корзинки лилии и протянул Зойке.

— Вечно он что-нибудь выдумает, — проворчал Серёга.

А Зойка обрадовалась:

— Ой, какие красивые и прохладные! Ты где такие нашёл?

— Места надо знать, — сразу заважничал Федька.

— Места, — фыркнул Серёга, — если я захочу, ведро могу таких цветов нарвать.

— Хоть бы одну-то нашёл. Лилии — это тебе не какие-то там васильки и ромашки, у дороги не растут.

— Ладно, не ссорьтесь, — примирила их Зойка, — а то так и ягод не наберём.

Друзья ещё немного потолкались плечами и, окончательно помирившись, двинулись к земляничной полянке.

ПРОБА ПЕРА

Надежда Потанина

*Ученица 7 класса ГБОУ «Набережночелнинская
школа № 75 для детей с ограниченными
возможностями здоровья»*

Вся природа для поэта —
Вдохновения исток.
В осени, зиме и лете
Есть поэзии урок.

Есть в журчании капли,
В звонах вешнего ручья,
В соловья тягучей трели
Песня сладкая моя.

Вся природа для поэта,
И пустыня, и цветок,
Есть смешенье тьмы и света,
Грёз безудержный поток.

В ней живут стихов мотивы,
Музыкальные лады
И картин нетерпеливых
Постоянные ряды.

От неё зависят чувства,
От неё зависит жизнь.
Вся природа есть искусство
Нашей пламенной души.

Дарья Потанина

*Ученица 7 класса ГБОУ «Набережночелнинская
школа № 75 для детей с ограниченными
возможностями здоровья»*

ЗОЛОТАЯ ПОРА ДЕТСТВА

«О, прекраснейшая пора детства, как не вспоминать, не думать о тебе?» — спрашиваю я себя, когда вдруг нахлынут воспоминания о детстве. И тут же сама себе отвечаю: «Без воспоминаний о детстве не проживёшь. Ведь детство — самая счастливая и беззаботная пора в жизни, когда можно не думать ни о каких проблемах и просто наслаждаться...» Да, наверное, очень многие из нас жалеют, что нельзя вернуть хотя бы на несколько минут эту дивную пору. Чтобы вновь попасть в этот мир почти безграничного счастья, писатели посвящают поре детства свои произведения.

Одним из таких писателей был Лев Николаевич Толстой. Читая его автобиографическую повесть «Детство», я заметила некоторое сходство детства главного героя данной повести Николеньки со своим детством. И Николенька, и я были воспитаны в тёплой семейной атмосфере, окружены родительской любовью и лаской.

Но есть ещё одно сходство: и я, и Николенька очень тонко чувствуем настроение мамы и стараемся не огор-

чать её понапрасну. Это, без всяких сомнений, очень важно для счастья ребёнка, чтобы был в его жизни тот человек, с которым бы у него установилось взаимопонимание.

Кроме того, нельзя не заметить, что нас обоих воспитывали и лаской, и строгостью. Ведь Николенька с мамой были очень ласковы и очень любили друг друга, но когда мальчик пролил чай на скатерть, именно мама попросила Наталью Савишну преподать Николеньке урок, ударив его мокрой скатертью. И у меня тоже бывают с мамой конфликты, но они обычно столь незначительны, что я их и не помню.

Но помимо сходств, между моим детством и детством Николеньки есть, конечно, и различия. Одним из них является наши отношения к отцу. У меня, в отличие от Николеньки, сложились очень тёплые отношения с папой. Николенька же виделся со своим отцом очень редко, и поэтому он не понимал да и не любил его. По крайней мере, их домашнего учителя Карла Ивановича он любил даже больше, чем отца, так как виделся и общался с ним каждый день.

Ещё нас отличает наше отношение к бабушке. Я к своим обеим бабушкам чувствую безграничную любовь и благодарность и не сомневаюсь, что бабушки тоже очень любят меня. А Николенька побаивался и не очень-то любил свою бабушку.

И конечно, важнейшее различие между нашими судьбами заключается в том, что я в детстве, к счастью, не испытала такого большого горя, как он. Ведь потеря матери, которую он так любил, стала для мальчика серьёзным испытанием.

Но несмотря на то, что Николенька потерял мать, у него было счастливое детство. Мне бы искренне хоте-

лось, чтобы все дети на земле были счастливы, но главное, чтобы каждый запомнил хотя бы самые яркие моменты этой поры, потому что детство — самая лучшая пора в жизни человека.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Виктор Кривенко

***

Выйду рано на вокзале,
Позвоню тебе, встречай,
В предвкушенье новых далей
Разговор да крепкий чай.

То ли с пользой бесполезной,
То ли с думкой ни о чём,
Еду за щемящей песней,
Что в дали звенит ручьём.

Как бродяга с перепоя
Растерял себя, смешно,
Еду свидеться с тобою
И с другою заодно.

То ли с думкой бесполезной,
То ли с пользой никакой,
Еду за щемящей песней,
За отрадой и тоской.

Хоть она и без прописки
Бродит всюду по земле,

Не продашь, не променяешь,
Не забудешь на скамье.

Полусчастье, полугоре
Жить раздвоенной судьбой,
Еду свидеться с тобою
И, представь себе, с тобой.

КОЧУЮЩИЕ ГОРОДА

Скажите, кто не знает городов,
Которые кочуют по дорогам,
Стучат по рельсам сотни поездов,
В просторе растворённые широко.
Вокзалы, перегоны, провода:
Своя всегда там жизнь рекою льётся;
Кочующие эти города —
Тревожные жилища на колёсах.
Особенный дорожный там уют,
Так светлы пленительные дали,
Когда друзья их верные поют,
Бренча себе на простенькой гитаре.
А если вдруг разлука — не беда,
Нам встретиться помогут, будь спокоен,
Кочующие эти города,
Привычные плацкартные вагоны.

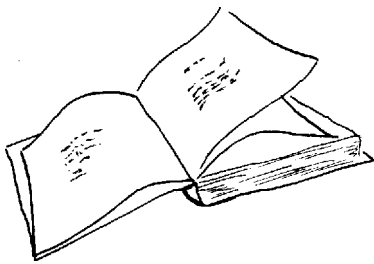
ВРЕМЯ

А время всё-таки летит
Без остановки, без оглядки,

И наступает нам на пятки,
И назидательно твердит.
Оно твердит: шагай смелей,
Чтоб не состариться до срока,
Оно бывает так жестоко,
Но ты об этом не жалея.
Ведь время — это наш палач,
Наш композитор и художник,
Подступит старость, грустный дождик,
Но не жалея себя, не плачь.
Ведь ты во времени рождён,
Оно тебя и успокоит,
Ах время, что это такое?
Каким оно идёт путём?

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

1869 — 1905

Имя русской поэтессы Мирры Лохвицкой стало известно широкому кругу читателей совсем недавно, когда со дня её смерти минуло сто лет. В 2003 году вышел том её стихов, замелькали на телеэкранах передачи о ней, появились сайты в Интернете... Но это теперь, а прежде о ней и её творчестве знали только литературоведы и пытливые знатоки и ценители поэзии Серебряного века, да и тем она была знакома скорее как сестра знаменитой юмористки Тэффи.

Несправедливая посмертная судьба, а ведь Мирра Лохвицкая не просто была частью Серебряного века: она вместе с Бальмонтом, Брюсовым и Бунинным открывала

этот век и не терялась в тени своих знаменитых современников. Её стихи знала вся читающая публика, Лев Толстой, а он, как принято считать, не был большим любителем поэзии, отзывался о ней с неизменным восхищением.

Почему её так быстро забыли и так поздно вспомнили? После 1917 года в России кардинально изменилась жизнь, а вместе с ней и литературные вкусы, массовому читателю стало некогда и неинтересно наслаждаться ритмами и рифмами. Имя Мирры Лохвицкой не единственное забытое имя русской литературы. Есть ещё одна причина: документальные биографические сведения о Мирре Лохвицкой весьма скудны, современники редко вспоминали её, да и внешняя канва её биографии не была богата яркими событиями.

При рождении девочке дали имя Мария. Мария Александровна Лохвицкая родилась 2 декабря 1869 года в Петербурге в семье известного в то время адвоката, Александра Владимировича Лохвицкого. Мать происходила из обрусевшей французской или немецкой семьи. Она была хорошо знакома с европейской и русской литературой, поэтому в семье всегда царил культ книги. Две сестры из этой многодетной семьи оставили след в литературе — Мария и Надежда, прославившаяся под псевдонимом Тэффи.

В 1874 году семья переехала в Москву. В 1882 году Мария поступила пансионеркой в Московский Александровский институт для девиц недворянских сословий. Писать стихи, по её собственному признанию, она начала, как только научилась держать в руке перо. Довольно рано у неё проявился и музыкальный талант; став постарше, Мирра всерьёз задумывалась о певческой карьер-

ере. Поэтому она осознала себя в возрасте пятнадцати лет. Незадолго до окончания института два её стихотворения с разрешения начальства института были изданы отдельной небольшой брошюрой. И в Петербург, куда семья Лохвицких переехала после смерти отца, Мария вернулась с полным осознанием своего дара и предназначения.

С мая 1889 года её стихотворения стали появляться в литературных журналах. Темы их были достаточно традиционными для женской поэзии того времени: весна, природа, цветы, ожидание счастья. Но стихи юной поэтессы уже тогда обращали на себя внимание безупречной звукописью и ритмикой, чем и вызвали первые благожелательные отзывы.

В 1890-е годы семья Лохвицких регулярно проводила летние месяцы в дачном посёлке рядом с Петергофом. По соседству с Лохвицкими снимала дачу семья известного профессора архитектуры Эрнеста Жибера. За его сына Евгения в 1891 году Мирра вышла замуж. Е. Жибер по профессии был инженером-строителем, его работа была связана с переездами, поэтому вскоре после свадьбы молодая семья покинула Петербург. Недолгое время они жили в Тихвине и Ярославле, затем несколько лет в Москве, а в 1898 году окончательно поселились в Петербурге.

Детей у поэтессы было пятеро, все — мальчики. Трое появились на свет в первые годы её замужества, один за другим. По единодушному свидетельству мемуаристов, несмотря на «смелость» своей любовной лирики, в жизни Лохвицкая была «самой целомудренной замужней дамой Петербурга», верной женой и добродетельной матерью.

Свой первый сборник, вышедший в 1896 году, Мирра посвятила мужу. Далее сборники стихотворений поэтессы выходили в 1898, 1900, 1903 и 1904 годах. Третий и четвёртый сборники были удостоены почётного отзыва Академии наук. Первый же сборник, тут же отмеченный Пушкинской премией Академии наук, сразу же закрепил за Лохвицкой славу «русской Сафо». В своих стихах она не просто воспевала любовь — она упивалась и тревожно-радостным ожиданием чуда, и жаром первых свиданий, и спокойным счастьем обладания, и тихой грустью расставаний. Никогда ещё женщина в русской литературе не была в стихах столь откровенной, не позволяла себе такой обнажённости чувств. Это оставалось исключительным правом поэтов-мужчин, а для поэтесс считалось предосудительным.

Некоторые стихи Мирры журналы отказывались принимать и возвращали рукопись со словами: «Госпожа Лохвицкая, наш журнал дети читают!» То, что она писала, выходило за рамки приличий не потому, что было чересчур эротичным, а потому, что было сочинено женщиной. Она нарушила негласный запрет. Если бы её стихи были не так безупречны и благозвучны, критики-мужчины жестоко отомстили бы ей за её смелость. Конечно, поначалу появлялись гневные рецензии и издевательские пародии, но их быстро заглушили хвалебные и восторженные отзывы.

Те, кто знал поэтессу только по стихам, бывали удивлены при знакомстве: в ней не было ничего ни от страдающей красавицы, ни от печальной нимфы. На первом месте у неё всегда были дети и дом, а уже потом поэзия. С переездом в Петербург Лохвицкая входит в литературный кружок поэта К. Случевского. Он относился к ней с боль-

шой теплотой, на его «пятницах» она была всегда желанной, но нечастой гостьей. Однако, судя по воспоминаниям современников, даже в этом тесном кругу отношение к поэтессе было неоднозначно. Вообще круг литературных связей М. Лохвицкой был довольно узок. Из символистов наиболее дружественно относился к ней Ф. Сологуб.

В кругу друзей Лохвицкую окружала особая аура лёгкой влюблённости, имеющая и своё негативное продолжение в туманных слухах и несправедливых домыслах. Внешность Мирры тоже сыграла важную и неоднозначную роль. Портрет поэтессы даёт в воспоминаниях И. Бунин: «И всё в ней было прелестно: звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая лёгкая шутливость... Особенно прекрасен был цвет её лица: матовый, ровный, подобный цвету крымского яблока». Эффектная внешность впоследствии даже стала препятствием к пониманию её поэзии. Далеко не все хотели видеть, что внешняя привлекательность сочетается в поэтессе с живым умом. Драма Лохвицкой — драма красивой женщины, в которой отказываются замечать что бы то ни было помимо красоты.

В 1898 году выходит второй сборник стихов Лохвицкой. На сей раз он посвящён не мужу и вообще никому конкретно: на титульном листе стояло «*amori et dolori*» — «любви и страданию». Есть основания предполагать, что у этого сборника Мирры Лохвицкой был и вполне определённый адресат. Мы могли бы вообще никогда не узнать его имени, поскольку поэтесса ни в одном стихотворении не обратилась к нему прямо. Но сам он оказался не столь сдержан и деликатен, открыто заявив о своей компрометирующей любви. Это был Константин Бальмонт.

Весь их «роман» от начала до конца — сплошные догадки и предположения. Не до конца ясно даже, где и

когда они познакомились, скорее всего, это случилось в Крыму осенью 1895 года. Следующая их встреча произошла в феврале 1896 года, когда Лохвицкая преподнесла Бальмонту свой первый сборник с нейтральной надписью «От читательницы и почитательницы». Вскоре Бальмонт женился и надолго уехал за границу. Через год они снова встретились — уже семьями и снова в Крыму, виделись позднее и в Петербурге, но никаких возможностей для чего-то, выходящего за рамки светского общения, тогда уже не было.

Так был ли «нашумевший роман», о котором вспоминали литературный критик и издатель П. Перцов и собиратель окололитературных сплетен Ф. Фидлер? В мемуарах современников отношения двух поэтов окружены глухим молчанием. Писавшие о Лохвицкой не говорят по этому поводу ни слова. В воспоминаниях о Бальмонте имя Лохвицкой почти не упоминается. Есть только одно документальное свидетельство их общения — в архиве Лохвицкой письмо Бальмонта к ней, весьма официальное по тону. Исследователи жизни и творчества М. Лохвицкой склоняются к мнению, что никакого романа в обычном понимании у них действительно не было. Это были два талантливых поэта, и их «роман» существовал только в их поэтической переключке. Вспыхнувшее, но невозможное и неуместное в обычной жизни чувство воплотилось в стихах. Они создали свой общий поэтический мир и поселились в нём в облике своих лирических героев. Отбросив все условности, они заговорили о любви.

«Я б хотела быть рифмой твоей, — быть как рифма, твоей иль ничьей».

«Я знал, что, однажды тебя увидав, я буду любить тебя вечно!»

«Мой прекрасный, мой единственный, утоли мою любовь!»

«Уйдите, боги, уйдите, люди, мне сладко с нею побыть вдвоём».

Это цитаты из только самых известных их стихов-признаний, их в творчестве каждого — десятки. Поэтическая перекличка Лохвицкой и Бальмонта — уникальное явление русской поэзии. Но они не просто вели любовный диалог — они перенимали друг у друга ритмы и созвучия, метафоры и иносказания, мысли и образы, откликаясь на слово — словом, на форму — формой. Влияние обоих поэтов на творчество друг друга в этот период очевидно и несомненно. В поэзии Бальмонта принято выделять «звёздное десятилетие», это десятилетие его наивысшей популярности начинается как раз со знакомства с Лохвицкой и заканчивается в год её смерти. Так что немалой частью своей славы Бальмонт обязан Мирре. Она это прекрасно понимала и страшно возмущалась, когда её стихотворения называли «бальмонтистскими».

Стихотворная перекличка Бальмонта и Лохвицкой, в начале знакомства полная взаимного восторга, со временем превращалась в своего рода поединок. Становилось ясно, что при всём сходстве взглядов на поэзию общего между ними не так уж много. Удивительный диалог продолжался, но собеседники всё чаще спорили, причём Бальмонт высказывался значительно резче и даже доставлял Мирре немало огорчений. Последствия оказались трагичны для обоих поэтов. Бальмонт алкоголем и, вероятно, наркотиками разрушал собственную личность, в конце жизни его настигла душевная болезнь.

Здоровье Лохвицкой заметно ухудшается с конца 1890-х годов. Она часто болеет, жалуется на боли в сердце, хроническую депрессию, ночные кошмары. В декабре 1904 года, вскоре после пятых родов, болезнь дала обострение, в 1905 году поэтесса была уже практически прикована к постели. Умерла Мирра Лохвицкая 27 августа 1905 года. Последние дни «русской Сафо» прошли в тяжелейших муках, но конец она встретила без боли и страданий — просто не проснулась после очередного укола морфия.

На похороны в Александро-Невскую лавру Бальмонт не приехал и на её смерть никак не отозвался. И только через три месяца, осознав, что он потерял, он сочинил стихотворный некролог, написал множество запоздалых откликов на её последние стихи. Всю оставшуюся жизнь он держал на столе её фотографию.

История любви двух поэтов имела странное и трагическое продолжение в судьбах их детей. Дочь Бальмонта была названа Миррой — в честь Лохвицкой. Имя четвёртого сына Лохвицкой тоже было связано с Бальмонтом: Измаилом звали главного героя сочинённой ею сказки «О принце Измаиле, царевне Светлане и Джемали Прекрасной», в которой причудливо преломлялись отношения поэтов. В 1922 году, когда Бальмонт был уже в эмиграции, в Париже к нему явился юноша — бывший врангелевец, молодой поэт Измаил Лохвицкий-Жибер. Бальмонт был взволнован этой встречей: молодой человек был очень похож на свою мать. Вскоре он стал поклонником Мирры Бальмонт, тоже писавшей стихи. Но год спустя по неизвестной причине Измаил покончил с собой. В предсмертном письме он просил передать Мирре пакет, в котором были его стихи и портрет

его матери. Судьба Мирры Бальмонт была не менее трагична. Неудачное замужество, рождение более чем десяти детей, чудовищная нищета.

СПЯЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Земная жизнь моя — звенящий,
Невнятный шорох камыша,
Им убаюкан лебедь спящий,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькают торопливо
В исканьях жадных корабли,
Спокойно в заросли залива,
Где дышит грусть, как гнёт земли.

Но звук, из трепета рождённый,
Скользнёт в шуршанье камыша,
И дрогнет лебедь пробуждённый,
Моя бессмертная душа.

И понесётся в мир свободы,
Где вторят волнам вздохи бурь,
Где в переменчивые воды
Глядится вечная лазурь.

ОСЕННИЙ ЗАКАТ

О свет прощальный, о свет прекрасный,
Зажжённый в высях пустыни снежной,
Ты греешь душу мечтой напрасной,
Тоской тревожной, печалью нежной.

Тобой цветятся поля эфира,
Где пышут маки небесных кущей.
В тебе слиянье огня и мира,
В тебе молчанье зимы грядущей.

Вверяясь ночи, ты тихо дремлешь
В тумане алом, в дали неясной.
Молитвам детским устало внемлешь,
О свет прощальный, о свет прекрасный...

В ПУСТЫНЕ

В багряных лучах заходящего дня,
Под небом пустыни — мы были вдвоём.
Король мой уснул на груди у меня.
.....Уснул он на сердце моём.

Лепечет источник: «Приди, подойди!
Водю живую тебя напою».
— «Король мой уснул у меня на груди, —
Он вверил мне душу свою».

Смоковница шепчет, вершину склоня:
«Вот плод мой душистый. Возьми и сорви».
— «Король мой уснул на груди у меня,
Он дремлет под сенью любви».

Спешат караваны: «Беги, уходи!
Несётся самум!.. Ты погибнешь в песках».
— «Король мой уснул у меня на груди,
Поверю ли в гибель и страх?»

Исчезли миражи, распались как дым,
Вечернее небо горит впереди.

Король мой! Ты нежно, ты свято храним.
Ты дремлешь на верной груди.

ПЕСНЬ О НЕБЕ

Шла я, голодом томима,
За насущным хлебом.
Шла — и стала недвижима
Пред вечерним небом.

Все огни, цвета, уборы
Жаркого заката
В мощные сливались хоры
Пурпура и злата.

Хоры пели о мгновенье
Скорби скоротечной,
О блаженном пробужденье
Душ — для жизни вечной.

О великом, ясном небе
Над земным Эребом*.
И — забыла я о хлебе
Пред вечерним небом.

***

Мне душно в хижине моей!
Мне тяжела моя неволя.
О, дай вдохнуть отраду поля

---

*Эреб — в греческой мифологии олицетворение вечного мрака.

И зацветающих степей!
Мне душно в хижине моей.

О, будь огнём моих созвучий,
Моей звездой, моей судьбой!
Веди меня в простор могучий,
Где туча гонится за тучей
И смерч вздымает за собой.
Веди меня на жизнь и бой!

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Люблю я жизнь — когда она полна,
Когда мгновений я не замечаю,
Когда она бушует, как волна,
Вздымается, стремясь к иному краю,
И падает, борьбой упоена.

Люблю тоску с немым её покоем
И торжеством невысказанных мук.
Люблю любовь с её минутным зноем
И бурю встреч, — и тишину разлук.

***

Есть радости — они как лавр цветут.
Есть радости — бессмертных снов приют.
В них отблески небесной красоты,
В них вечный свет и вечные мечты.

Кто не страдал страданием чужим,
Чужим восторгом не был одержим,

Тот не достиг вершины из вершин,
В тоске, в скитаньях, в муках — был один.

МОЛИТВА О ГИБНУЩИХ

О, Боже праведный!
Внемли моления
За души гибнущих
Без искупления;
За всех тоскующих,
За всех страдающих,
К Тебе стремящихся,
Тебя не знающих!

Не вам, смиренные,
Чья жизнь — молчание,
Молю покорности
И упования.
Вам, духом кроткие,
Вам, сердцем чистые,
Легки и радостны
Тропы тернистые.

Но вам, мятежные,
Глубоко павшие,
Восторг с безумием
И злом смешавшие;
За муки избранных,
За боль мгновения —
Молю познания
И откровения!

***

Моя печаль всегда со мной.
И если б птицей я была,
И если б вольных два крыла
Меня умчали в край иной:
В страну снегов — где тишь и мгла,
К долинам роз — в полдневный зной, —
Она всегда со мной.

Моя печаль со мной всегда
И в те часы, когда, рабой,
Склоняюсь я перед судьбой,
И в те, когда, чиста, горда,
Мне светит в выси голубой
Моя бессмертная звезда —
Она со мной всегда.

***

О, мы, — несчастные,
Мы, — осуждённые,
Добру причастные,
Злом побеждённые,
В мечтах — великие,
В деяньях — ложные,
В порывах — дикие,
В слезах — ничтожные!

Судьбой избранные,
Чуждаясь счастья,
Мы бродим, — странные, —

Среди ненастия;
В звезду влюблённые,
Звездой хранимые,
Неутолённые,
Неутолимые.

О, мы, — несчастные,
Мы, — осуждённые,
Добру причастные,
Во зле рождённые.
Плода познания
В грехе вкусившие,
Во тьме изгнания
Свой рай забывшие!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Анохина

***

На уроках много лет
Развлекал меня планшет.
Заходил к ребятам в гости,
Ставил лайки, темы постил.

Развлекал и развлекался.
А на госэкзамен сдался...
Кто поможет?! Кто подскажет?!
Ну и гад же ты, мой гаджет!

***

Это селфи! Я встаю на мостик!
Это — селфи! На краю балкона.
А вот это и не селфи вовсе...
Это просто снимок перелома.

***

Шагает Володя из школы под рэп.
А Петя ступает под Баха.
Володе кричат из машин: «Ты ослеп?»
А Пете: «Ты что — с прибабахом?!»

Неправду, неправду о них говорят!
Взаправду всё ясно и просто:
В нормальные головы этих ребят
Наушники вбиты, как гвозди!

***

Всем даёт Петрова сдачи.
От неё мальчишки плачут...
А с сегодняшнего дня
У Петровой нашей Нинки
Хвостик, стянутый резинкой,
Просит: «Дёргайте меня!»

Все мальчишки из второго
Дёргали за хвост Петрову...
Измотались пацаны.
А Петрова — хоть бы хны!
— Что с тобой случилось, Нина?
— Нина, Нина, в чём причина?!

Ты какой урок подряд
Игнорируешь ребят?
— Я отращиваю косы.
Есть ко мне ещё вопросы?
Если дёргать посильней —
Может, вырастут быстрее...

***

Все контрольную решали
И почти дошли до точки.

Кто-то сдал свои листочки
И из класса выходил.

А один печальный мальчик,
За последней самой партой,
Из тетрадного листочка
Самолётик мастерил.

Ведь сначала были мысли...
Только мысли улетели
И висят над облаками.
Чтоб оттуда их достать,

Очень срочно нужно вспомнить
Тот урок по оригами,
На котором самолётик
Научили собирать...

***

Пора играть. Но мне — не до улыбки.
Пора играть. Но это — не «ура»!
Не в теннис. Не в компьютер. А на скрипке!
Пора. Пара-пара-рам. Пам-пара...

Шнур от компьютера с намёком неприличным
Свернулся на полу ключом скрипичным.
И две моих ракетки отчего-то
Все из себя изображают ноты!

Отставить эти гнусные намёки!
Сам знаю, что пора учить уроки.

Смычок порхает, тишину кромсая.
Сам Моцарт из альбома говорит:

«Вселенная, ты видишь, он — играет!
Верни предметам надлежащий вид!»

ЧЕ-ЧЕ-ЧЕГО ВАМ?

Проводница влетела в вагон-ресторан.
Задыхаясь от быстрого бега,
Попросила: «Скорей! Молодой чемодан,
Заверните мне два человека!»

Отчего за спиной этот шёпот и смех?
И буфетчик уставился странно...
Повторила: «Быстрее! Молодой чебурек,
Подогрейте мне два чемодана...»

Сергей Георгиев

ТРЕТЬЕКЛАСНИК ВАСЯ ЗАХАРЫЧЕВ

ССОРА

Третьеклассник Вася Захарычев поссорился со своим любимым псом Дюшкой. Неправ был как раз Вася, и поэтому он сразу же стал Дюшку дразнить:

— Цып-цып-цып! Цып-цып, пушистенский!

Дюшка ничего не ответил. Зато откуда ни возьмись

появилась пёстрая курица с выводком цыплят. Все они уставились на Васю, интересуясь, что будет дальше.

Вася стал дразнить Дюшку по-другому:

— Кис-кис-кис! — позвал он пса. — Мур-мяу!

На этот зов сначала пришло штук двенадцать кошек, потом ещё несколько. Все они с интересом уставились на Васю Захарычева.

Вася опять поменял тактику.

— Му-у! Му-у! Бе-е-е! — стал он дразнить Дюшку.

Конечно, немедленно появились коровы, несколько коз и даже два барана пришли. Рогатые расселись кружочком, смотрят на Васю Захарычева, головами кивают.

А Васе всё неймётся:

— Ту-ту-у! Чух-чух-чух!

Быстренько подошёл курьерский поезд, остановился. Из трубы паровоза густой дым валит, все пассажиры к окнам прилипли. Машинист фуражкой вытер пот со лба, на Васю Захарычева смотрит.

Видит пёс Дюшка, дело плохо: третьеклассник Вася Захарычев такой человек, сам никогда не остановится.

Засвистел тогда Дюшка оглушительным пограничным свистом, хлопнул себя лапой по коленке и скомандовал Васе:

— К ноге!

Вася обрадовался и вприпрыжку подбежал к Дюшке. Они сразу и помирились. Ведь даже из самого трудного положения всегда найдётся достойный выход!

ОШЕЙНИК

У третьеклассника Васи Захарычева куда-то запропастился левый коричневый ботинок. Вася обыскал весь дом, обшарил все углы, но ботинка так и не отыскал.

Тогда Васе стал помогать пёс Дюшка. И очень быстро обнаружил за диваном свой старый ошейник.

— Да, Дюшка, — потрепал третьеклассник Вася пса по загривку. — Ошейник у тебя один, а ботинку всегда требуется пара. Так что жизнь моя ровно в два раза тяжелее твоей!

ГИРЯ

Третьеклассник Вася Захарычев смотрел по телевизору соревнования по поднятию гири.

— Я отжал двухпудовку триста девятнадцать раз, — сказал победитель. — Но моя мечта довести личный рекорд до трёхсот двадцати двух!

У Васи Захарычева захватило дух.

— Мне эту штуку вообще, наверное, с места не сдвинуть, — сказал третьеклассник сам себе. — Но я хочу поднять её семьсот четырнадцать с половиной раз. Мечтать — так мечтать!

ПОРУЧЕНИЯ

Уходя в школу, третьеклассник Вася Захарычев поручил своему псу Дюшке прибраться в квартире, вымыть полы, пропылесосить ковёр, приготовить обед и купить в булочной хлеба и бубликов.

Когда Вася вернулся после уроков домой, все его поручения Дюшка уже выполнил.

— Ну, вот, молодец! — похвалил пса третьеклассник Вася. — Теперь можешь идти во двор и гонять кошек сколько захочешь!

РАЗЛИЧИЕ

Однажды третьеклассник Вася Захарычев читал очень умную и учёную книгу.

— Слышишь, Дюшка! — сказал вдруг Вася своему любимому псу. — Вот тут написано, что главное различие между человеком и собакой в том, что человек ест при помощи ножа и вилки!

Пёс Дюша внимательно выслушал Васю, а затем опустил голову и грустно вздохнул.

Третьеклассник Вася Захарычев заволновался. Он захлопнул книгу и решительно объявил:

— Глупости всё это, Дюшка! У собаки нюх острее, вот что главное!

СОБАЧИЙ ЯЗЫК

Третьеклассник Вася Захарычев решил всерьёз изучить собачий язык.

— Как будет по-вашему, по-собачьи, слово «котлета»? — спросил он своего пса Дюшку.

— Гав! — ответил Дюша.

— Понятно. — Вася записал ответ в словарик и продолжал: — А «скамейка»?

— Гав! — сообщил Дюша с готовностью.

Дотошный третьеклассник записал перевод на собачий язык слов «лужа», «понедельник», «электричество» и «мотороллер».

— Всё, на сегодня, пожалуй, достаточно, — решил после этого Вася Захарычев и спросил своего пса с подковырочкой: — Слушай, Дюшка, а вот стихотворение на твой язык перевести можно? Как будет по-собачьи, к примеру: «Тиха украинская ночь. Прозрачно небо, звёзды блещут...» Небось и слов-то таких нет?

— Отчего же нет? — удивился Дюшка.
И с чувством продекламировал:
— Гав!

ИГРА

Третьеклассник Вася Захарычев придумал новую игру. Он позвал свою сестру Нину:

— Давай ты будешь фонарным столбом, а я — мотоциклом! Я стану вокруг тебя ездить! И чтобы не задеть!

— Дурацкая игра, — сказала умная Нина.

— Согласен, — признал добрый третьеклассник Вася. — А ты знаешь хорошую?

— Конечно, — ответила Нина. — Фонарным столбом будешь ты, а я — мотоциклом!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Третьеклассник Вася Захарычев решил отметить день рождения своего пса Дюши.

Вася купил трёхслойный вафельный торт и съел его. Потом взял большую шоколадную конфету и тоже съел. Подумав, Вася взялся за порцию ананасового мороженого.

Но на душе у третьеклассника было не празднично.

— Ладно, Дюшка! — сказал тогда Вася торжественно. — Я от всего сердца поздравляю тебя с днём рождения!

Дюша благодарно завиллял хвостом.

И тогда третьеклассник Вася Захарычев не выдержал и на последние деньги он купил Дюшке мозговых косточек.

ПОЛЁТ ВОРОБЬЯ

Третьеклассник Вася Захарычев на уроке математики наблюдал в окно за воробьями.

И вдруг понял, почему люди не летают. Вот просто так, как воробьи, не летают с ветки на ветку!

Ясно ведь: и уроки сделать нужно, и посуду помыть после обеда, и в квартире прибраться, и в магазин сходить за картошкой... Да мало ли забот! Некогда людям летать!

«СУРОК»

Третьеклассник Вася Захарычев целый день сочинял музыку. Он ходил с задумчивым видом и бормотал себе под нос:

— Пу-пум, пу-пу, пу-пум-пу-бу-бу...

Получалось здорово. Когда вечером вернулась с работы мама, Вася спел ей своё сочинение от начала до конца в полный голос.

— Потрясающе! — похвалила Васю мама. — Ни больше, ни меньше — это «Сурок» Бетховена!

Вася задумался. Мамино название ему понравилось. Пусть песня так и называется: «Сурок Бетховена».

Прошло два дня, и третьеклассник Вася Захарычев услышал своё музыкальное сочинение по радио. И вся страна тоже услышала.

Но Вася человек скромный. Он вообще никому больше, кроме мамы, так и не сказал, что «Сурка Бетховена» написал он.

БЕГЕМОТ

Третьекласснику Васе Захарычеву по случаю достался учебник бегемотского языка.

Вася этот учебник прочитал от корки до корки и даже быстро научился разговаривать, потому что в бегемотском языке и было-то всего два слова.

— Ну вот, — сам себе сказал умный третьеклассник. —

Знание — сила! Теперь бы эту силу хорошо проверить в деле!

И отправился в зоопарк.

В зоопарке Вася Захарычев подошёл к бассейну с бегемотом и обратился к толстокожему на его родном языке.

Бегемот, выслушав Васю, сначала едва не захлебнулся тёплой водой от удивления, затем поднял голову и, слегка заикаясь, спросил:

— Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш? Шпрехен зи дойч?

— Ну и произношение у бегемота! Ничего не разберёшь! — опешил образованный третьеклассник.

Он махнул рукой и больше с бегемотом ни о чём не разговаривал.

После долгих размышлений Вася Захарычев пришёл к выводу, что бедняга бегемот до того одичал в зоопарке, где и поговорить по-доброму не с кем, что просто давно уже позабыл оба трудных бегемотских слова.

Но ещё больше потрясла Василия внезапная мысль о том, что, возможно, во всём городе он теперь единственный, кто свободно говорит и понимает по-бегемотски.

СИГНАЛЫ

Во время урока физкультуры третьеклассник Вася Захарычев выбежал на середину футбольного поля, снял с себя майку и стал размахивать ею над головой, подавая сигналы марсианским летающим тарелкам, что место для посадки свободно.

Учитель Алексей Алексеевич сделал Васе замечание, прогнал с футбольного поля и заставил сдать нор-

матив по прыжкам в длину. В результате марсиане так и не прилетели.

ПИСЬМО

Третьеклассник Вася Захарычев первым догадался, что домашние птицы и животные совсем в недалёком прошлом имели свою письменность. Просто Вася серьёз задумался над выражением «пишет, как курица лапой».

Получалось, что когда-то попугаи и канарейки, персидские коты и таксы со спаниелями могли запросто обмениваться записками и даже посылать друг дружке письма и телеграммы! И все об этом знали!

Третьеклассник Вася Захарычев решил немедленно проверить своё открытие. Он отправился на почту, на конверте аккуратно надписал название своей улицы, номер дома и квартиры, а вот в строчке «кому» указал — «собаке Дюше».

Через два дня письмо для пса Вася обнаружил в своём почтовом ящике. Почтальонов несколько не удивил необычный адрес. Вот так-то!

ШАР

Третьеклассник Вася Захарычев изобрёл новый способ передвижения по квартире: на воздушном шаре.

— Тундра ты, Васька! — сказала третьекласснику его сестра Нина, которой идея летать из кухни в туалет по воздуху очень понравилась. Нина даже для убедительности постучала себя кулаком по лбу:

— Шар-то — вон какой здоровенный, он ни в одну нашу дверь не пройдёт!

Вася задумался. И вскоре изобрёл самый новый способ передвижения по квартире: на воздушных шарах! Перелетел через комнату на одном воздушном шаре, возле двери снизился, пешком вышел в коридор, пересел на другой воздушный шар — и лети дальше!

«ФАНТА»

Третьеклассник Вася Захарычев на уроке природоведения размышлял о круговороте воды в природе. Допустим, думал Вася, однажды утром у всех жителей Земли на кухне из всех кранов потечёт газированная вода «Фанта». Какие будут последствия?

Очень быстро умный Вася понял, что последствия будут плохими. Уже на третий день эта самая «Фанта» так всем жителям Земли надоест, смотреть на неё станет тошно.

А сделать нужно по-другому. Пусть на кухне будет три крана: с холодной водой, с горячей и третий — с «Фантой»!

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Третьеклассник Вася Захарычев обучил своего пса Дюшу отвечать на телефонные звонки.

Теперь Дюшка снимал телефонную трубку и важно говорил:

— Здравствуйте! Говорит Дюша! Василия нет дома! Что ему передать?

Всё было здорово до поры до времени. Но уже на следующий день, только Дюша отправился погулять во двор, телефон начал трезвонить не переставая.

— Гав-гав! Говорит Тобик! — раздалось из трубки. — Позовите, пожалуйста, Дюшу!

— Это Мухтар! Дюша дома?

— Дюшка, привет! Не узнал, это Тяпа!

Сначала Вася всем незнакомым собакам вежливо отвечал, что Дюши нет дома, и спрашивал, что тому передать.

А потом, когда весь этот нескончаемый телефонный трезвон порядком надоел, Вася снял трубку и просто поинтересовался:

— Мяу?

АПЕЛЬСИН

Третьеклассник Вася Захарычев дал своему псу Дюше понюхать большой марокканский апельсин.

Дюша потянул носом и вдруг громко чихнул.

Вася развернул подробную географическую карту земных полушарий, сориентировал компас по направлению к полюсу и быстро выяснил: как раз в той стороне, куда чихнул Дюшка, находится Африка!

Вот это нюх у собак!

АНГЛИЙСКАЯ КОРОЛЕВА

Третьеклассник Вася Захарычев взялся изучить английский язык.

Это решение Вася принял не просто так, не с бухты-барахты, а после долгих размышлений. Вася прочитал в журнале, как один мальчик попал на приём к английской королеве и долго с ней о чём-то разговаривал.

Вася представил себя на месте этого мальчика, и чтобы не попасть впросак и уж тем более не опростоволоситься, решил взяться за трудный язык.

— Ду ю спик инглиш? — если что, попав на приём во дворец, сразу же спросит Вася Захарычев у королевы

Англии. — Говорите ли вы по-английски?

— Оу, йес! Немного! — вежливо ответит третьекласснику королева.

Ну, а дальше разговор потечёт как по маслу.

Ещё проще, если королева не станет дожидаться, пока Вася Захарычев соберётся на Британские острова, а сама заедет к нему в гости.

Английская королева постучит в дверь, а когда ей откроют, конечно же, спросит:

— Здравствуйте, а Вася дома?

— Проходите, Ваше Величество, почувствуйте себя как у себя во дворце! — гостеприимно предложит тогда Вася.

Так что английский язык в жизни обязательно пригодится.

ОШИБКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

Третьеклассник Вася Захарычев со своей младшей сестрой Ниной вышли на прогулку.

По двору бегала огромная собака Альма, а на скамеечке с книгой сидела её хозяйка, Ленка Кутепова из соседнего дома.

— Почему это Кутя свою Альму возле нашего подъезда выгуливает? — удивилась Нина.

— Влюбилась, должно быть, — пожал плечами Василий.

На заборчике в другом конце двора был вывешен ковёр. Полина Меркушова, Васина одноклассница, выбивала этот ковёр пластмассовой колотушкой.

Завидев Васю, Полина начала лупить ковёр с такой силой, словно это был вовсе не ковёр, а какой-нибудь внезапно налетевший Змей Горыныч.

Нина вопросительно посмотрела на брата.

— Влюбилась, должно быть, — равнодушно сказал и про Полину Меркушову пронизательный Вася.

Тут на свой балкон вышла Маша Писклова и начала тщательно поливать цветы.

— А эта Пискля чего? — прищурилась Нина, когда вода с Машиного балкона полилась водопадом.

— Должно быть, влюбилась, — безразличным тоном объяснил Вася.

— В тебя, что ли? — уточнила Нина.

— В меня, — не стал отпираться Вася.

Тогда Нина подбоченилась и, глядя Василию в глаза, напрямую спросила:

— А скажи-ка, Васенька, скажи на милость, отчего это вдруг они все в тебя повлюблялись?! Что, им делать больше нечего?!

Третьеклассник Вася Захарычев задумался и даже почесал в затылке.

— Да возраст такой, — сказал он наконец младшей сестре.

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ

На уроке русского языка третьеклассник Вася Захарычев сложил из тетрадного листа самолёт.

Как только учительница Анна Фёдоровна отвернулась к доске, он запустил летательный аппарат к потолку.

Самолётик плавно облетел класс один раз, другой, третий...

Все ученики, задрвав головы, замороженно считали круги, пока самолётик наконец аккуратно не приземлился в самом центре учительского стола, прямо на раскрытый журнал с отметками.

— Кто это сделал? — строго спросила Анна Фёдоровна.

— Я, — не стал закипать Вася Захарычев.

— А почему ты запускаешь самолётики на уроке? — продолжала учительница.

— До перемены не дотерпел, — честно признался Вася. И по привычке добавил: — Я больше не буду...

Анна Фёдоровна безнадежно махнула рукой и продолжила урок.

Бумажную поделку она положила в сумочку, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Вечером, уже дома, учительница показала самолётик своему мужу Михаилу Алексеевичу.

— Посмотри, пожалуйста, чем занимаются мои ученики во время уроков русского языка!

— Ух ты! — восхитился тот. — Свежо, оригинально, весьма даже нестандартно! Новаторский подход!

И сразу же уселся за компьютер, делать расчёты.

Потому что Михаил Алексеевич был знаменитым авиационным конструктором. Толк в самолётах он знал.

Уже через месяц на самом лучшем заводе выпустили новую модель спортивного планера.

И на этом планере отважный пилот-испытатель немедленно установил сразу несколько европейских и мировых рекордов.

Летательному аппарату присвоили гордое имя «Вася Захарычев».

Потом в школу, где учился третьеклассник Вася, приехала целая делегация, человек, наверное, двенадцать самых знаменитых учёных, лётчиков и народных артистов. Даже один космонавт приехал.

За гениальную конструкцию бумажного самолёта третьекласснику Василию Захарычеву торжественно вручили почётную грамоту.

Вася всем вежливо сказал спасибо, а затем по привычке добавил:

— Я больше не буду...

КОЛЯМБА, ВНУК ОДЕЖДЫ ПЕТРОВНЫ, И ВСЯ ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ*

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

(Рассказывает Колямба)

Он только зевнул, и я понял: подружился!

Рада Викторовна привела его за руку на второй день нашей учёбы и сказала: «Знакомьтесь — Илья Романов!» А он вместо «здрасьте» зевнул. Я рассмеялся, и новенький тоже рассмеялся. И я обрадовался, когда Илюху посадили за парту рядом со мной.

Тут же коленкой его толкнул, чтобы не захрапел на уроке! На пятый раз он совсем проснулся, и наши ноги под партой немножко подрались. У меня только тетрадка на пол свалилась, а у Илюхи карандаши рассыпались. Мы с ним поглядели друг на друга и решили: если только коленки подрались — это же не считается.

И тогда я шепнул:

— Ты почему первого сентября не пришёл? Болел?

Илюха помотал головой и сказал то, чего я никак не ожидал:

— Я Персика спасал. Не мог оставить его одного.

— Спас?

Илюха кивнул, и его чёрные глаза заплясали, просто запрыгали по лицу.

---

*Окончание. Начало читайте в № 1 за 2018 год.

— Он утром попил, и папа сказал, что теперь точно выживет.

— А кто такой Персик?

Илюха прошипел вообще несусветное:

— Конь. Ещё жеребёнок.

Может быть, врёт? Где в Москве коня держать? Даже у бабушки в Масловке ни у кого нет лошади. И как Илюха, такой маленький и худой, целого конька спасал?

Только заиграл звонок с урока, я за рукав вытащил его из-за парты.

— Персика папе друзья подарили, — рассказывал Илюха у окошка в коридоре. — А папа поручил мне за ним ухаживать. Потому что каждый человек должен отвечать за живую душу. Недавно Персик какую-то инфекцию подхватил или съел что-то ядовитое. У нас рядом с домом пустырь. Его хотят застроить коттеджами. А пока машины ночью приезжают и с них валят на землю всякую гадость. Там и яд мог оказаться. А мы с Персиком гуляли. И он потом сразу заболел. Лёг, не вставал.

— А как ты его спасал?

— Капельницы ему ветеринар делал. А я с Персиком разговаривал. Гладил его. И Богу молился.

Мне бы в голову не пришло молиться. А Илюха об этом так спокойно говорит, как об обычном деле... И не стесняется.

— А как ты молился?

Илюха посмотрел в окно и вздохнул.

— Пока нельзя говорить... Если зря скажешь, в словах сила может пропасть. А ведь Персик ещё не совсем выздоровел.

Я думал, что такие сильные слова только во всяких там фэнтези бывают...

— Где ты живёшь? Ну, с Персиком... Ему не тесно? Илюха головой помотал:

— Не-а, у нас дом на Новорижском шоссе.

Я подумал: «А не стоит ли позавидовать Илюхе, что у него есть конёк?» И решил: «А не стоит. Зачем зря завидовать, если у меня нет дома на Новорижском шоссе?! А зачем мне дом на Новорижском шоссе, если у меня нет конька?»

Илюха вытащил мобильный телефон и стал на нём фотки с Персиком показывать. Коник выбежал из речки — вокруг брызги салютом. Наклонив голову, шептался с растрёпкой-одуванчиком... Больше всего мне понравился снимок Персика в тумане. Из молочных облаков выплывала одна голова на длинной шее. Будто он по небу мчал. Вот бы с ним полетать! Я так и подумал — с ним, а не на нём...

На всех переменах я рассматривал фотки с Персиком. К концу уроков он как друг мне стал. Как Илюха. А Илюха, мой сосед Илюха, был для меня самым счастливым, самым чудесным человеком на свете. У него есть конёк, настоящий конь! И он взаправду спас ему жизнь. Потому что знает слова, которые зря произносить нельзя.

Уже в раздевалке Илюха предложил:

— Приходи ко мне в субботу! Будет Большой Пиратский День! И на Персика посмотришь!

— Обязательно! — крикнул я, хотя Илюха был не глухой. Я так крикнул, что сам почти оглох.

Вечером папа сказал:

— С утра заброшу тебя к Илюхе и потом посплю по-человечески. — И на меня посмотрел, и ещё что-то сказал про Витальку и про рюкзак.

Но что именно, я не расслышал. У меня в ушах свистел ветер. Потому что я рисовал Персика. В голубых облаках. Летучим коньком. Я рисовал его красным карандашом. Он такой хороший, что ему даже гадский яд нипочём. И себя на Персике нарисовал. И Илюху, конечно. Он на Царь-лосе летел. Он уже долго с Персиком пожил, пусть и со мной поделится! Потом я и Витальку хотел нарисовать. Но Витальке места в облаках не хватило. Листок кончился. Даже маленькую точку негде было поставить. Ну, что тут поделаться...

...В субботу, в полвосьмого утра, мы с папой выстроились у огромных ворот, за которыми жил Илюха. Нажали на кнопку звонка и ждали. В воротах открылась дверь и выскочила бандитская тётя в тельняшке и с красной Бабой-Ягой на щеке.

— Извините, что мы так рано появились, — пробормотал папа, как и я, не сводя глаз с Бабы-Яги. Наверное, он тоже захотел, чтобы такая красота хоть иногда появлялась на щеке у нашей мамы.

— Мы давно на ногах, — улыбнулась «пиратша», и это выдало в ней Илюхину маму. — Вот-вот и другие пираты придут!

А по дорожке бежал ко мне Илюха и вопил:

— Кракамба! Барамбука! Тысяча арбатур!

И я побежал к нему, выкрикивая по-пиратски:

— Макина! Дрезина! Миллиард дрындалят!

Мы с Илюхой не стали пожимать друг другу руки, а побоксились. Как зверские морские волки. А потом я сказал:

— Покажи Персика!

В кармане рубашки у меня был припасён для него кусочек бородинского хлеба. Самого вкусного. Персик

постарается залезть в карман мордочкой, так мы с ним и подружимся.

— К жеребёнку врач приехал, осматривает, — приобняла меня за плечи мама-пиратша. — А разбойникам надо подкрепиться. Идёмте в дом.

Я завертел головой, высматривая, где же всё-таки Персик? Ну, хотя бы домик, где он живёт. Но не заметил чего-нибудь подходящего. На участке располагался лишь большой коттедж. На деревьях постукивали от ветерка незажжённые пока гирлянды фонариков. Ого, праздник до ночи будет!

В прихожей мы с Илюхой скинули кроссовки и побежали на кухню. Он похвастался:

— На завтрак у нас «грёзы медузы» и «молоко от бешеной коровки»!

На тарелках лежали всего-то блинчики с вареньем и рядом с ними стояли стаканы с розовым йогуртом. Но я не успел расстроиться, потому что Илюха сказал:

— Сегодня маму надо называть Белая Медведица! А ты, Колямба, будешь Попутным Ветром.

Я — Попутный Ветер? Мне понравилось, особенно когда Илюха добавил:

— Специально для тебя такое прозвище приберёт. Его носил настоящий пират. Если он был на корабле, то паруса всегда гудели от ветра, а не висели тряпками. Попутный Ветер был талисманом.

— А ты кто, Илюха?

— Железная Рука! У меня удар — во! — И он хлопнул мне по плечу. Ага, прозвище Хлипкая Ладонка подходило бы Илюхе меньше!

И тут в кухню набежали пираты. Они галдели и шуршали рёбрами. К их тельняшкам крепились огромные

бумажные кости. А по щекам ползали пауки и гусеницы. Пираты специально корчили рожицы, чтобы нарисованные страшилища шевелились.

— Это Попутный Ветер, мой друг! — вопил им Илюха. И мне всех называл: — Это Саблезубый Роджер! Это Крошка Му! Это Чугунная Голова! Это Лёгкий На Ногу!

Все прозвища слепились у меня в голове в одну Саблезубую Крошку Чугунную На Всю Ногу. Но это было неважно, я помнил, что я-то — Попутный Ветер!

— Сколько гостей позвали — почти двадцать штук! Мне бы не разрешили, — прошамкал я, уплетая сладкие «грёзы медузы».

И чуть не подавился — на кухню вплыл здоровенный пиратище в треуголке с медной пуговицей, в кожаных куртке и штанах.

— Это папа! Сегодня он Большой Бен, — улыбнулся Илюха.

Большой Бен подмигнул и взорвал маленькую бомбочку — это он так хлопнул в ладоши:

— Через десять минут начинаем!

И мы закричали:

— Йох-хо-хо!

Пока другие доедали, Илюха прямо пальцем, макая его в аквакраски, выводил на моей щеке кораблик. Я попросил нарисовать белый парус. Если я — Попутный Ветер, то при чём тут какая-то гусеница?!

...Дальше всё закрутилось, как пистолет-мушкетон на пальце морского волка. Для начала Большой Бен и Белая Медведица разбили нас на команды. Они назывались «Дохлая утка», «Зелёная каракатица» и «Весёлый бродяга». Мы с Илюхой угодили в «Дохлую утку», а

вместе с нами Саблезубый Роджер — высоченный парень, наверное, одиннадцатиклассник, ещё Рассерженная Буйволица (хохотушка со светлыми косичками) и двойняшки-пятиклашки — Ураган и Цунами. Прозвища братьям подходили как нельзя лучше. Потому что у них были узкие-преузкие глаза. Почти как у японцев. А в Японии же и правда цунами случаются.

— У нас есть талисман — Попутный Ветер! Победа за нами! — завопил Илюха.

И все «утята» как зарычат:

— Кря-кря!

А я надул щёку с корабликом. И белый парус надулся, щекоча кожу.

— Сойтись якорями! — отдал команду Большой Бен.

И мы как забомбим по вражеским бригам! Ядрами были целлулоидные шарики для тенниса, а бригами — резиновые лодки, разложенные на траве перед домом. «Каракатицы» и «бродяги» по очереди отбивались щитами от нашего артобстрела, а потом мы от них. А ещё, например, мы пробирались над «ущельем со змеями». Канат натянули в двадцати сантиметрах от земли, и двигаться по нему можно было, опираясь на лыжные палки. И всё равно загреметь к змеюкам — раз плюнуть! Я три раза так «плюнул». Ха, нашлись недотёпы, которые свалились и побольше моего. А на конкурсе танцев «Пляшущий скелет» из меня вытряслись все кости — так я старался вытанцовывать под «буги-вуги»... Но мне было здорово, здорово, как никогда!!!

И впереди ещё была встреча с Персиком!

Поэтому я даже не очень переживал, что перед последним конкурсом «Достань банан» «каракатицы» обго-

няли нас на два балла, «бродяги» — на один. В такой день всё будет замечательно!

В спортивном зале висели канаты. Надо было забраться по витой верёвке и скинуть один из воздушных шариков, которые распирала сетку на самой верхотуре.

Саблезубый Роджер одолел канат в три перехвата руками. Мне б его рост! Рассерженная Буйволица тоже не подкачала. Ураган и Цунами ловко карабкались наверх, а скатывались вниз, как сушки по карандашу, и потом только дули на сырые котлетки, в которые превратились их ладони. И я решил, что поступлю так же — для скорости.

Наконец я прыгнул на канат...

Руки и ноги растерялись, не знали, что делать... Одно дело — смотреть, как карабкаются другие, а попробуй сам, в первый раз... Саблезубый Роджер и Илюха объясняли, как надо ухватить верёвку. Но если человек от горя потерял голову, чем ему слушать советы?

Витая кишка проскальзывала между моими кроссовками весом в сто килограммов. А я был... как шнурок развязавшийся.

«Каракатицы» и «бродяги» один за другим скидывали шарики и прыгивали на маты...

— Я за тебя! — не выдержал Илюха и стряхнул мою тушку с каната. Теперь ему надо было подняться два раза подряд — за меня и за себя.

Илюха быстро-быстро перебирал руками-ногами по канату. Он походил на краба, бегущего вверх, а потом — вниз. Раз — скинул воздушный шарик, тот запрыгал по матам. Тут же приземлился и сам Илюха.

Если бы я не скис, мы бы уже могли праздновать победу!

Я завыл в кулаки.

Я никогда не проигрывал. В лото бабушке Одежде — это же не считается! А сейчас из-за меня могли продуть все: и Саблезубый Роджер, и Рассерженная Буйволица, и Ураган с Цунами.

И только Илюха мог всех выручить...

Он снова полез. У него всё классно получалось. Лучше, чем у других. У него получалось так, как у меня должно было бы получиться. Как я мечтал.

— Илюха — раз! Илюха — два! — кричали «утята».

Я бы всё отдал, чтобы мне так кричали. Ведь я же — Попутный Ветер... Это про меня Илюха сказал, что с таким талисманом мы точно выиграем!

«Пусть он свалится!»

Будто кто-то рядом сказал эти слова, а я их услышал. Будто не сам их подумал. Слова постояли в моей голове длинной рыбой, постояли, пока я удивлённо их рассматривал, и уплыли.

...Руки Илюхи расцепились, и он свалился на маты.

И во мне, внутри, расползлись дыры. Как в гнилом зубе. Такой заведётся — только втяни воздух в рот — и засвистит боль. И у меня больно засвистело, сразу в нескольких местах.

Илюха вскочил, чтобы вновь карабкаться. Как ни в чём не бывало. Но к нему подбежала Белая Медведица, заслонила от нас полосатой тельняшистой спиной.

Большой Бен дунул в боцманскую дудку и сказал, что результаты этого конкурса не засчитываются.

...«Утята» продули.

Я плюхнулся на пол. Опустил голову между коленками. В каждой коленке билось по маленькому острому сердцу. Третье, тугое и огромное, мчалось куда-то в

пропасти живота. Я сидел и слушал, как они все стучат наперегонки и как больно свистят во мне дыры. И плакать хотелось.

Когда Большой Бен отправил пиратов на розыск карты, где обозначен клад, я не мог шевельнуться.

Саблезубый Роджер сграбастал меня и потащил во двор.

— Давай-давай, не будь мямлей. — Он ободряюще щёлкнул меня по лбу, а потом приказал: — Попутный Ветер — в сарай, Железная Рука, для начала прочеши эти клумбы! Внимательно только!

Илюха крикнул «Кря-кря!» и бухнулся коленями в белые розы. Если потребовалось, конечно бы, он их съел... Он всё может, если потребуется... Илюха ни о чём не догадывался... Он вообще ни о чём таком даже подумать не мог...

Я поплёлся в сарай.

Домик из серых досок находился за коттеджем, и поэтому раньше я его не увидел. Толкнул дверь. Густо пахло влажной травой, сваленной на пол. И ещё в сарае плавал солёный и сладкий, животный, живой запах. Запах Персика! Потом я услышал конька. Он фыркал и хрупал сеном, и переступал по деревянному полу, как будто неспешно ударял по нему тяжёлыми молоточками. Он жил в противоположном конце сарая, за высоким заборчиком. Доски были набиты редко, в их промежутках переливался рыжий бок, а когда конёк опускал голову, скачивалась круглая щека и блестящий под нахлобученной чёлкой глаз-виноградина. Персик был ещё выше, ещё прекраснее, чем я представлял. Только такой замечательный конь мог быть у Илюхи.

Он такой хороший — мой Илюха, который спас конька и умеет лазать по канату...

Не то что я.

Я отвернулся от Персика. Ткнулся лбом в дощатую стену. Провёл ладонью по щеке с корабликом, и потом ещё раз, ногтями. Я хотел содрать этот кораблик!

И как только проклятая мысль про Илюху придумалась? Откуда взялась? Я же ничего такого не хотел. Не хотел! И потом, Илюха же случайно свалился. Это такое совпадение. Совпадение — дураку ясно.

Только, может быть, это и не совпадение...

Вдруг я родился плохим человеком, но пока совсем не вырос, это не так заметно?

Я корябал ногтями серые доски. Пальцы были перемазаны в пыли. Это были привычного вида пальцы. Но теперь они стали чужими. Я сжал пальцы в кулак, чтобы их не видеть.

Илюха знает такие слова, которые зря произносить нельзя, чтобы в них сила помощи не пропала. Значит, и другая есть сила — не для помощи, а наоборот? И она во мне сидит. Я так её и почувствовал — чёрную и косматую шерсть. Она росла внутри живота — как борода, только вверх — и щекоталась волоском в горле. И скоро прорастёт прямо в голову. И там будут одни длинные гадкие мысли. Чёрные и косматые. И всё гадкое будет сбываться — стоит только подумать... Все люди вокруг — только хорошие, и один я — с бородой в животе.

Может, попросить Илюху помолиться обо мне сильными словами? Они Персику помогли, пусть и мне помогут...

Но это была плохая идея, я почувствовал. Нельзя было просить об этом Илюху, никак нельзя... Что я — больной?!

Персик шумно и грустно вздохнул. Эх, Персинька, Персик, как же мне теперь жить?

И вдруг я вспомнил... Я вспомнил, что на листочке, на котором рисовал Персика, не хватило места Витальке. Даже маленькую точку не нашлось где поставить. Будто вообще нет и не было никогда у меня друга Витальки — так получилось... Вдруг Виталька это как-нибудь почувствовал? Вдруг с ним уже что-то стряслось, вот как с Илюхой... И он не стоит возле ворот интерната, и не смотрит на стрелку компаса, и не дует в такой же свисточек, как у меня, в свисточек, который я ему подарил... А вдруг стоит и ждёт?.. Мы же договаривались на прошлой неделе, что приедем к нему в эту самую субботу, с рюкзаком...

Я выхватил из кармана кусок бородинского хлеба и стал запихивать его в щель между досками в полу. Хлеб разваливался под пальцами... Я подмёл крошки ладонью и вдавил между половицами, все вдавил — до одной. Пусть Персик, чудесный Персик, не знает, что я здесь был... Потом его угощу, обязательно угощу. Если сейчас всё получится...

Я вышел из сарая, тихо прикрыл дверь и нашарил мобильник в кармане джинсов...

— Приезжай за мной! — сказал, когда услышал заспанный голос папы.

— Ты заболел? — перепугался он. — Что болит? Живот?

— Нет, не болит. Только возьми рюкзак. Ещё не поздно поехать к Витальке.

Папа внимательно вслушивался в мой голос. У него ухо, наверное, стало, как спутниковая тарелка.

— Ну, ты даёшь... — недовольно протянул папа.

Пауза. Потом он защёлкал клавишами на клавиатуре компьютера, наверное, смотрел Яндекс. Пробки...

— На Новой Риге чисто, — проворчал, — попробуем. Жди у ворот.

Я чувствовал: мы должны успеть, мы обязательно успеем! А Илюха на меня не обидится. Он всё поймёт! Мы с Виталькой ещё приедем к нему и Персику!

Я надул щёку — и кораблик поплыл. Парус не висел тряпкой, парус гудел от ветра.

АНГЕЛ ДЛЯ САШКИ

(Рассказывает Колямба)

Я вспрыгнул на приступок памятника и пожал Пушкину бронзовую руку. Мы втроём так стояли: невеста Наталья Гончарова, взволнованный Пушкин и я.

По нашим головам и спинам неторопливо расхаживал дождик, и мы были как будто немного памятником, и как будто немного нет...

— Дед, почему? — крикнул я. — Почему все поэты стоят одни-одинёшеньки, а Пушкин вместе с женой?

Как только дед приезжает в Москву из жарких стран, где у него журналистская работа, мы с ним сразу — на Старый Арбат. Дед вышагивает в длинном пальто. По широкому вороту раскиданы его белые кудри. И нос его шевелится — дед родной воздух им ест-ест и не может наесться.

— Ты знаешь стихи? — спросил дед, насмешливо щурясь.

«Нууууу, — подумал я, — тоже мне вопросик». И начал:

Зима, крестья-я-янин, торжеству-уя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почу-уя,
Плетётся рысью как-нибудь...

— Сам ты — «как-нибудь»... Плохо читаешь, нерадостно! — усмехнулся дед, притянул меня к себе и таинственно зашептал: — А Пушкин посмотрит вокруг волшебным весёлым взглядом — и всё — как расколдует... Он всё любит, всему радуется... И красота в ответ улыбается...

Я подпрыгнул и постарался выдохнуть пар колечком. Это особенно трудно: подпрыгивать и выдыхать воздушные «сушки» — чтобы с ровненькой дыркой.

— Крестьянина — ладно ещё любить! — сказал я. — И мне нравится — первым по снегу! А лошадь-то эту с телегой... За что любить?

И снова парок выдул, проткнув его во рту языком. И посмотрел на то, что получилось, как Пушкин: волшебным весёлым взглядом. Даже сощурился сильнее. Но вместо сушечки вышла расплывшаяся ватрушка. И она мне никак не улыбалась.

Дед сцапал её в кулак и рассмеялся:

— Неженку эту, лошадку, за что любить? Полюбуйся-ка ею! Большая такая, а снежка перепугалась! И на цыпочках, на цыпочках копыточек плетётся! Едва-едва! Уж как-нибудь — мышкой бы просквозить, мухой бы пролететь!

Лошадь с телегой — и неженка! Мышкой плетётся! На цыпочках копыточек!

— Это как?

Дед зажмурил глаза, схватился двумя руками за кудрявую голову и подпрыгнул, развевая длинные полы

пальто. Полетел-поскакал, отталкиваясь ботинками от мостовой. Он вряд ли походил на лошадь с телегой, а больше — на весёлую Бабу-Ягу.

Я подпрыгнул — и следом за дедом порысил. На цыпочках — по Арбату. Мы с дедом крутили головами и по-лошадиному фыркали на фонари...

А дома подпрыгивали и кричали: «Быстрее! Быстрее!»

Китайские туристы нас фотографировали, как московскую достопримечательность. Я специально повыше подпрыгнул, а дед им улыбнулся и рукой помахал — не волнуйтесь, дескать, с нами всё в порядке.

А потом я уцепился за его рукав, мы шли и улыбались друг другу и во все стороны.

И где-то замаршировал весёлый полк. Будто шагали маленькие солдаты в голубых мундирах и красных пилотках. Топ! Топ! Топ-топ-топ! Откуда-то сверху неслось.

Да это же длинноволосый парень, стоя коленками на мостовой, весело барабанил палочками по картонным коробкам! Топ-топ! В его шапку звенели одна за другой монетки прохожих. Топ! Звон! Топ-звон-топ!

А мы всё равно топали в ногу вместе с небесным полком... И смотрели направо и налево.

На картинах, развешанных там и тут, трещали красные морозные утра, грохотали водопады... У продавщиц в коробах сидели недоколдованные коровки — так то они были кроликами с длинными ушами, просто бело-чёрные коровьи пятнышки-кляксы остались у них на спинках и по бокам. Два музыканта в белых свитерах перебирали молоточками золотистые пластины, подвешенные к стойкам, — в мокром воздухе кувыркалось солнечное тирли-бом-бомм... Я тоже молоточком ударил, мне разрешили: бом-бом!

Мы уже от памятника далеко отошли, когда я спохватился:

— Ты про Пушкина не сказал! Маяковский один стоит. Есенин один. А Пушкин с женой. Почему?

— Пушкин горько плакал перед свадьбой, — задумчиво сказал дед.

— Он не любил Натали? Не хотел жениться? Поэтому плакал? — Я даже расстроился.

Дед улыбнулся:

— Душой эта девочка, говорили, была ангелом чистоты. А красота её проникала до самого сердца.

— Ты что, видел её, разговаривал?

Дед фыркнул длинным носом и постучал согнутым пальцем по моему лбу.

А я тоже фыркнул, подпрыгнул, постучал согнутым пальцем по его лбу и сказал:

— Я-то видел уже Натали!

На кухне у бабушки Одежды — вырезанная из журнала картинка, приколотая иголочками к обоям в голубой василёк. Там Натали в кружевах, как в пёрышках. Девушка-лебедь. Девушка-ангел.

Бумага по краям картинки пожелтела, волнами пошла, а Натали всё равно светится.

Дед про неё рассказывает, и она передо мной ещё больше светится, ещё ярче. Пушкин горько плакал перед свадьбой, а она горько плакала потом, когда его на дуэли ранил этот гадский французский дурак Дантес, когда поэт умирал в муках. Пушкин, наверное, до свадьбы ещё знал, поэты ведь многое заранее знают: его беда поджидает. И плакать потом будет одна Натали...

И я очень расстроился.

— Вот я бы, наверное, не женился на Натали, — ска-

зал. — И даже на балы всякие там не ездил, чтобы не видеть её. Чтобы только потом она не заплакала...

Дед покачал головой.

— Пушкин не мог жить без неё. Ты про памятник спросил. А кто там? Поэт. И Натали — как Вечная Красота. Разве мог Пушкин жить без неё?

— Самая-рассамаю красота?!

— Да. Иногда её называют Душой Мира.

А я знаю, что она есть и всегда была. Душа Мира. Откуда-то знаю. С самого детства. Она голубая, но невидимая. Она даже там, где крови нет. А Душа всё равно есть. Она повсюду струится. И получается живая жизнь.

Я сказал:

— Помнишь, давно, я хотел ножичком до неё доцарапать... в рояле твоём, до голубой жилки. Я думал, музыка от неё, а не только от клавиш... Потом ямка получилась в рояле...

— Ножичком!.. Помню! Я тебя очень ругал, — обрадовался дед. Промокнул белым платком капли дождя на щеках. — Душа Мира дышит в музыке. В чудесных стихах... В прекрасной женщине. Встретишь её —

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Я не успел подумать, что это такое: божество и вдохновение. Я их просто в себе почувствовал и вздохнул, так вздохнул, чтобы и божеству, и вдохновению места во мне было больше, чтобы всё поместилось.

И хотел спросить у деда: «У тебя была прекрасная женщина, да?» — но посмотрел на него, грустного и красивого, и не стал спрашивать.

И вдруг вспомнил про Сашку Градову из нашего класса.

Сашка всё время хохочет. Даже когда на уроке отвечает, иногда не может никак удержаться. Тогда залезает под парту, чтобы её всё-таки не очень было видно, и оттуда грохочет. И всем в классе тоже хочется под партой погрохотать, но это же не так просто — залезть на уроке под парту.

А однажды в раздевалке Сашка надевала рыжую куртку, никак не могла попасть в рукава, и говорила своей маме заботливым голосом: «Просто папа у нас осенний. Такой уж он человек. А осенью улетают и птицы, и листья... Вот и он куда-то улетел. Ты запомни: папа у нас осенний».

Я притиснулся к деду плечом, чтобы немного успокоиться. Мы шли, привалясь друг к другу.

И я подумал: подарю что-нибудь Сашке. Знаю что — ангела с сердечком в руках. Если нажать рычажок, он светится синим, жёлтым и белым. Ангелы даже осенью никуда не улетают. Вот залезу под парту и там нажму на рычажок — пусть ангел Сашке сияет.

***

Колямба вчера позвонил и сказал, что послезавтра приедет в Масловку на все каникулы. И Витальку они вместе с мамой и папой отпросили из интерната.

У меня сразу настроение поднялось. Мы с моим мужем Юрой так решили: раз будет Колямба в Масловке, и мы туда приедем проводить отпуск. Вместе с соседями

станем в лес ходить, лопать варенье бабушки Одежды, гонять чай, разговоры разговаривать... Хорошо жить с такими соседями! С ними ни дожди, ни снег, ни другие напасти не страшны. Удивительные они люди. Подумаешь про них — и вся планета Земля становится уютной. Как наша Масловка. Вот так!